

ШЕДЕВРЫ ИСТОРИЧЕСКОГО ДЕТЕКТИВА

ЭЛИС ПИТЕРС

СОКРОВЕННОЕ
ТАИНСТВО

РИПОЛ КЛАССИК

Хроники брата Кадфаэля

Элис Питерс

Сокровенное таинство

«РИПОЛ Классик»

1985

УДК 82-32
ББК 84(4Вел)

Питерс Э.

Сокровенное таинство / Э. Питерс — «РИПОЛ Классик»,
1985 — (Хроники брата Кадфаэля)

ISBN 978-5-386-12901-9

В Шрусбери находят приют два монаха из разоренной обители. Один из них, удаляясь от мира, разорвал помолвку. Его невеста также решила принять постриг, но пропала по дороге в монастырь. Загадку, которую таят в себе эти порванные узы, брат Кадфаэль разгадывает в романе «Сокровенное таинство» (1985).

УДК 82-32
ББК 84(4Вел)

ISBN 978-5-386-12901-9

© Питерс Э., 1985
© РИПОЛ Классик, 1985

Содержание

Глава первая	7
Глава вторая	17
Глава третья	26
Глава четвертая	34
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Эллис Питерс
Сокровенное таинство

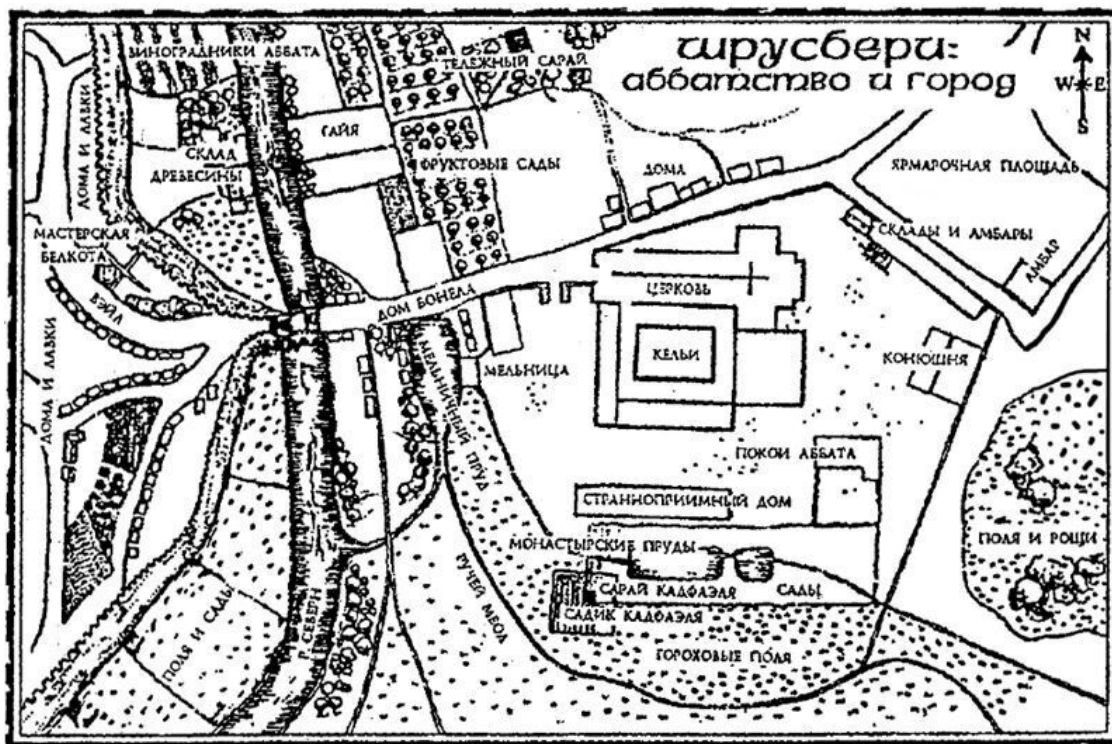
ELLIS PETERS

An Excellent Mystery 1985

© Storyside. 2022

© Волковский В. Э., наследники, перевод на русский язык, 2022

© Оформление. ООО Группа Компаний «РИПОЛ классик», 2022

Видите того пожилого монаха
в подоткнутой рясе? Сейчас утро, и брат Кадфаэль
возится в своем садике:
собирает лекарственные травы,
ухаживает за кустами роз.
Вряд ли кому придет в голову,
что перед ним – бывший участник
крестовых походов, повидавший полмира
бравый вояка и покоритель женских сердец.
Однако брату Кадфаэлю приходится зачастую
выступать не только в роли врача-терапевта
человеческих душ и тел, но и в роли
весьма удачливого, снискавшего славу детектива,
ведь тревоги мирской жизни не обходят стороной
тихую бенедиктинскую обитель.
Не забудем, что действие «Хроник брата Кадфаэля»
происходит в Англии XII века,
где бушует пожар междоусобной войны.

Императрица Матильда и король Стефан
не могут поделить трон, а в подобной неразберихе
преступление – не такая уж редкая вещь.
Так что не станем обманываться
мирной тишиной этого утра.
В любую секунду все может измениться...

Глава первая

Лето 1141 года выдалось на славу. Лучи августовского солнца окрашивали окрестности Шрусбери в рыжеватый, словно львиная шкура, цвет. Стояла жара, навевавшая благодатную дремоту. После обильных весенних дождей, как раз к празднику перенесения мощей святой Уинифред, установилась поистине райская погода, и держалась она до самой уборки урожая. И праздник урожая пришелся на такой же славный день. Сжатые поля побелели под палящим солнцем, колосья все до единого были подобраны, и оставалось только выгнать на стерню отары овец, чтобы ничто из плодов земных не пропало даром.

В церквах с немалым воодушевлением служили благодарственные молебны по случаю успешного завершения жатвы, а в садах уже темнели, созревая, ранние сливы. Амбары аббатства ломились от зерна, тщательно высушенная солома была увязана в снопы, сено сметано в стога, а если и не хватало хорошего дождика, чтобы корм для овец на убранных нивах был посочнее, то эта нехватка с лихвой возмещалась щедрой утренней росой. Само собой, рано или поздно эта благодать должна была смениться суровыми осенними ветрами, но пока безоблачное небо радовало ясной голубизной.

– Крестьяне нынче довольны, – обращаясь к брату Кадфаэлю, заметил шериф Хью Берингар, только что вернувшийся с уборки урожая в собственных владениях на севере графства и от постоянного пребывания на полях под палящим солнцем почерневший как головешка, – а вот среди государей одни раздоры. Сдается мне, что, если бы им приходилось самим сеять да жать, молотить муку да печь хлеб, у них не осталось бы времени на набег и стычки. Слава Богу, что война пока обходит наши края стороной, не приведи Господи, чтобы и здесь пролилась кровь. Что ни говори, а я в ответе за это графство, как и за свое поле, и когда я вижу его жителей сытыми, загорелыми и веселыми, когда знаю, что их амбары и закрома полны, а с овец настрижено доброе руно, то не могу не радоваться.

Берингар повстречал брата Кадфаэля у монастырской стены – там, где между оградой аббатства и тропой, сворачивающей направо к часовне Святого Жилия, раскинулась поросшая травой площадка, служившая местом проведения ежегодных ярмарок. Прошло уже около двух недель после окончания трехдневной ярмарки на Петра и Павла, и стояла опустели, а купцы разъехались по домам. Хью сидел на своем костлявом, сером в яблоках жеребце, нескладном, но достаточно рослом и выносливом, чтобы нести куда более тяжелого всадника, чем этот худощавый молодой человек. Впрочем, норовистый конь не признавал никого, кроме своего хозяина.

Будучи шерифом Шропшира, Хью Берингар вовсе не обязан был сам надзирать за тем, как ярмарочное поле приводят в порядок после окончания торгов, однако он предпочитал лично за всем проследить. В конце концов, ведь это его люди все три дня приглядывали за тем, чтобы во время ярмарки обошлось без свар, мошенничества и грабежа, а аббатство не потерпело никакого ущерба. Теперь с этой заботой было покончено до следующего года. Но следы проходившей здесь ярмарки были еще видны повсюду: многочисленные углубления в тех местах, где вбивались жерди для коновязей, белесые прямоугольники на месте разобранных загонов, вытоптанные дорожки между шатрами, окаймленные зеленой бахромой сохранившейся травы. Там и сям, словно следы диковинного зверя, зеленели пятна примятого, но не увядшего клевера.

– Один добрый дождик – и все будет как прежде, – промолвил брат Кадфаэль, окидывая взглядом выцветшие проплешины, чередующиеся, будто на шахматной доске, с зелеными островками, и размышляя о необыкновенной живучести простой травы.

Монах оказался здесь по пути из аббатства Святых Петра и Павла, а шел он в принадлежавший обители приют при часовне Святого Жилия, находившийся на самой окраине города.

От ярмарочного поля до приюта оставалось еще добрых полмили. В обязанности Кадфаэля входило следить за тем, чтобы в богадельне всегда имелись в достатке снадобья от всевозможных недугов, и потому он наведывался в приют каждые две недели, а то и чаще, если там было много больных или возникала какая-нибудь срочная нужда.

В это раннее августовское утро его сопровождал молодой брат Освин, который более года учился у Кадфаэля пользоваться недужных целебными травами и сейчас направлялся туда, где полученные им навыки могли найти достойное применение. Освин был высок ростом, крепок и полон рвения. Поначалу он допускал немало оплошностей: то отвар на огне передержит, то, не разобравшись, вместо лекарственных трав притащит сорняков, тем паче что с виду они сильно схожи. Но теперь все эти огрехи были в прошлом. Молодой монах мог стать находкой для лазарета, но для этого первое время он должен был трудиться под началом опытного и рассудительного наставника, брата Симона, который мог при необходимости направить юношеский пыл в нужное русло.

– На мой взгляд, ярмарка у вас удалась на славу, – сказал Хью, прервав молчание.

– Слава Богу, все вышло куда лучше, чем я мог надеяться, – с улыбкой отозвался Кадфаэль, – особенно если учесть, что с юга нынче до Шрусбери не добраться из-за раздоров в Винчестере. Иные купцы аж из самой Фландрии заявили.

Да, что и говорить, последнее время Восточная Англия была не самым безопасным местом, но торговцы шерстью – народ хваткий и всегда готовы рискнуть ради хорошей прибыли.

– И стрижка нынче была отменной, – с удовлетворением заметил Берингар.

На севере, в маноре Мэзбери, он имел собственные стада и отлично знал, сколько доброй шерсти настрижено в этом году. На нее был хороший спрос повсюду, и, конечно, в приграничных землях Уэльса. Жители Шрусбери издавна поддерживали прочные связи с обоими валлийскими королевствами – Гуинеддом и Повисом. Были у них там и родичи, и друзья, а главное – их сближали торговые интересы, хотя порой и с той, и с другой стороны затевались удачества ради лихие набеги.

В нынешнее лето мир с Гуинеддом сохранялся нерушимо – Овейн Гуинеддский умело сдерживал своих подданных, к тому же им, как и жителям Шропшира, приходилось остерегаться честолюбивого графа Ранульфа Честерского, и лучше всего было держаться вместе. В Повисе, правда, народ был более буйный – от тамошних валлийцев никогда не знаешь, чего ждать, – но Хью Берингар был начеку. Несколько раз его ратникам удавалось укротить беспокойных соседей, и те на время поутихли.

– И урожай хорош, – продолжал Хью, – уж сколько лет не припомню такой жатвы. Вот только фрукты...

– Да, фрукты, – подхватил Кадфаэль, – еще не спели. Но если Господь пошлет добрый дождик, чтобы напоить их влагой, да не будет бури или града, тогда сам увидишь. Ну да что там говорить – зерно убрано, солома высушена, сена накошено вдосталь. Грех и жаловаться.

Но при всем при этом, размышлял монах с некоторым удивлением, кое для кого нынешний год сложился не слишком удачно. Фортуна изменила сначала королю, затем императрице – а в это время простые люди, во всяком случае здесь, в центральных графствах, по милости Господней пожинали плоды своих трудов и возносили благодарственные молитвы. Между тем в феврале этого года король Стефан был наголову разбит в битве под Линкольном, попал в плен и стал узником Бристольского замка, куда был заключен смертельно враждовавшей с ним императрицей Матильдой, его кузиной и непримиримой соперницей в борьбе за английский престол.

Многие из числа бывших сторонников Стефана поспешили переметнуться на сторону Матильды, и не последним среди них оказался папский легат, епископ Винчестерский Генри, доводившийся императрице кузеном, а королю – родным братом. Он счел за благо примкнуть к

победившей партии, но вскоре понял, что поторопился, ибо Матильда оказалась недалёковидным политиком. В Вестминстере все уже было готово к коронации, и английская корона вот-вот должна была увенчать ее голову, но, прибыв в Лондон, она повела себя столь вызывающе и надменно, что горожане в ярости восстали и обратили ее в постыдное бегство. Кончилось тем, что и город, и королевский дворец оказались во власти отважной супруги плененного короля Стефана.

Правда, этот поворот фортуны отнюдь не принес свободу королю. Напротив, по слухам, положение его ухудшилось. Стефана стали строже охранять и из предосторожности даже заковали в цепи – ведь теперь знатный пленник оставался единственным козырем, который его соперница сохраняла в своих руках. Но так или иначе, императрица Матильда, по всей вероятности, навсегда лишилась короны, а вместе с короной – и поддержки епископа Генри, который уже дважды за год успел поменять союзников и теперь предпочитал не спешить. Поговаривали, что императрица послала в Винчестер своего сводного брата и близкого друга графа Роберта Глостерского, чтобы тот попытался снова перетянуть епископа на ее сторону, но Генри уклонился от определенного ответа. Рассказывали также, что жена Стефана опередила императрицу Матильду: она встретилась с епископом Генри в Гилфорде, сумела завоевать его расположение и заручиться его поддержкой. По всей видимости, эти слухи возникли не на пустом месте, ибо купцы, приезжавшие на ярмарку в Шрусбери с юга, поведали, что императрица во главе спешно собранной армии двинулась на Винчестер, вступила в город и расположилась в королевском замке. Теперь епископ в своем собственном городе лишился покоя и с тревогой размышлял о том, каков будет следующий шаг неугомонной претендентки на престол.

А тем временем в Шрусбери ярко светило солнце, аббатство радостно и торжественно отмечало день своей святой покровительницы, на лугах паслись тучные стада, с полей был собран обильный урожай, и ничто не омрачило ежегодную ярмарку, прошедшую, как обычно, в первые три дня августа. Съехавшиеся отовсюду торговцы заключили сделки, с выгодой продали товар и, удачно отоварившись, мирно разъехались по домам, как будто на свете не было ни короля, ни императрицы, – дороги пока были безопасны, и жизни простых людей ничто не угрожало.

– Ты не слыхал ничего новенького с тех пор, как закончилась ярмарка? – спросил Кадфаэль у Берингара, все еще поглядывая на вытоптанную траву на месте бывших торговых рядов.

– Пока ничего. Ведь теперь императрица и епископ в одном городе – сидят, должно быть, каждый в своем замке да гадают, что предпримет противная сторона. Горожане в Винчестере, надо думать, и вздохнуть боятся. Последнее, что я слышал, – будто бы императрица послала гонца к епископу Генри и пригласила его к себе, а тот ответил весьма любезно и обещал непременно быть, но сам, ясное дело, и с места не тронулся. Однако при всем при том, – задумчиво добавил Хью, – я не рискнул бы утверждать, что он вовсе не готовится к встрече с ней. Она собрала свои силы, а он будет собирать свои, и когда у него наберется достаточно войска, как знать, может, и решит нагрянуть к ней!

– Во всяком случае, – заметил Кадфаэль, – ты хоть можешь вздохнуть посвободней, пока они там затаили дыхание.

Хью рассмеялся и кивнул:

– Пока эта парочка в раздоре друг с другом, им уж всяко не до меня и нашего графства. И даже если они придут к соглашению и императрица снова перетянет епископа на свою сторону, сторонники короля все же выиграют на этом несколько недель. А не договорятся – и слава Богу! Пусть лучше между собой дерутся, чем поливают нас дождем из стрел.

– Ты думаешь, епископ решится выступить против императрицы?

– Она обращается с ним так же высокомерно, как с любым из своих подданных. Если он еще и не изменил ей, то, по меньшей мере, отказал в повиновении и, очевидно, понимает, во что может обойтись ему это упрямство, попади он ей в руки. Раз уж она заковала в цепи короля,

то вряд ли побоится сделать то же самое с епископом. Думается мне, сейчас его преосвященство укрепляет свой замок Уолвеси и спешно созывает своих вассалов, чтобы быть наготове, если дело дойдет до осады. Если уж он вздумал торговаться с императрицей, то ему не помешает иметь за спиной войско.

– Войско королевы? – предположил Кадфаэль.

Хью, собиравшийся обратно в город, уже начал поворачивать коня, но обернулся через плечо и с усмешкой взглянул на монаха блестящими черными глазами, в которых плясали огоньки.

– А вот это еще как сказать! Сдается мне, что первый гонец, которого пошлют из епископского замка с просьбой о помощи, отправится напрямик к императрице Матильде.

Кадфаэль двигался к окраине города, туда, где за длинной плетеной изгородью уже виднелись часовня и приют.

– Брат Кадфаэль... – заговорил шедший рядом Освин.

– Что, сынок?

– Неужто императрица и впрямь осмелится наложить оковы на епископа Винчестерского? Ведь он же легат самого Папы?

– Кто знает? Только, скажу я тебе, на свете найдется не много такого, на что бы она не осмелилась.

– Но тогда... Это значит, что они будут сражаться...

У Освина аж дух захватило от подобного предположения. Сама эта мысль показалась ему кощунственной. Он взглянул на Кадфаэля и промолвил:

– Брат, ты повидал свет и участвовал во многих битвах. Я знаю, что некоторые епископы и иные высокие служители Святой Церкви сражались за освобождение Гроба Господня от неверных. Но как может слуга Божий обнажить меч ради суетной мирской цели?

«Как да почему, – подумал Кадфаэль, – это одному Господу ведомо, да только и прежде служители церкви брались за оружие и впредь, надо полагать, от этого не откажутся».

– Видишь ли, – осторожно промолвил он, – может статься, что защита собственной жизни, свободы и безопасности кажется лорду епископу не такой уж суетной целью. Иным служителям Божиим приходилось со смирением принимать мученический венец, но, само собой, они шли на это только во имя веры. А какой прок нашей Святой Церкви от мертвого епископа, а Папе – от легата, гниющего в темнице?

Несколько минут брат Освин молча шагал рядом с Кадфаэлем, переваривая услышанное и обдумывая приведенные ему доводы. Юноше они представлялись сомнительными, но он не спешил высказывать свое мнение, полагая, что, возможно, не до конца понял аргументы наставника. Наконец он решился и спросил простодушно:

– Брат Кадфаэль, ты, вступив в наш орден, отрекся от насилия. Скажи, мог бы ты снова взять в руки оружие? Ради какой угодно цели?

– Сынок, – отозвался Кадфаэль, – ты имеешь привычку задавать такие вопросы, на которые просто невозможно ответить определенно. Ну почему я знаю, как бы поступил, оказавшись в отчаянном положении? Как и подобает монаху нашего ордена, я не хотел бы осквернить своих рук насилием, но разве смогу остаться равнодушным, увидев, как глумятся над беспомощным и невинным? Имей в виду, что даже епископам вручен посох для того, чтобы они, как истинные пастыри, могли защищать и оберегать свое стадо. Ну да ладно, предоставь принцам, императрицам и рыцарям заниматься своим делом – сражаться, а тебе лучше заняться своим – лечением страждущих.

Они подошли к подножию холма. К открытой калитке в плетеной ограде вела протоптанная множеством ног тропинка. Отсюда видны были скромная часовня и башенка над крышей богадельни. Брат Освин резво устремился вверх по склону. Лицо его светилось простодушной

верой, и он готов был все силы отдать служению скорбящим. Надо надеяться, рассудил Кадфаэль, здесь ему не придется остерегаться ловушек, а если поначалу он в чем-то и ошибется, то вряд ли это остудит его горячее рвение.

– Помни, сынок, чему я тебя учил, – с трудом поспевая за юношей, на ходу наставлял брат Кадфаэль. – Слушайся во всем брата Симона. Некоторое время тебе придется поработать под его началом, как и он прежде трудился под надзором брата Марка. Главный смотритель здесь – один мирянин из предместья, но ты не часто будешь с ним встречаться: наведывается он сюда от случая к случаю, хотя бывает, что и проверку затеет. Но в общем-то он человек добрый и всегда прислушивается к советам тех, кто более сведущ во врачевании. Да и я буду рядом – и сейчас, и всякий раз, когда у тебя возникнет во мне нужда. Пойдем, я покажу тебе что к чему.

Брат Симон был круглолицым, добродушным на вид человеком лет сорока. Он вышел на крыльцо, чтобы встретить прибывших, рядом с ним был неуклюжий мальчонка лет двенадцати. Глаза мальчугана покрывали бельма – он был слеп, но во всем остальном выглядел вполне здоровым и даже миловидным. Во всяком случае этот малец являл собой не самое печальное зрелище в прибежище скорби, где содержались тяжелобольные и прокаженные. Для этих несчастных богадельня при часовне Святого Жилия была не только приютом, но и тюрьмой: ведь чтобы не допустить распространения заразы, им не разрешалось выходить в город. Кадфаэль огляделся. Калеки грелись на солнышке в садике позади богадельни, глубокие старики и старухи плели в амбаре свясла для снопов. Так здесь было заведено: те, кто мог выполнять хоть какую-нибудь работу, охотно трудились, чтобы хоть отчасти оправдать расходы на свое содержание, а не работали лишь окончательно сломленные недугом. Некоторые из этих несчастных, кому их язвы мешали даже выходить на солнце, пристроились в тени фруктовых деревьев или в холодке часовни.

– Сейчас у нас здесь восемнадцать больных, – промолвил брат Симон, – и для нынешнего жаркого лета это не так уж много. К тому же трое из них незаразные и быстро идут на поправку. Денек-другой – и они встанут на ноги да и побредут своей дорогой. Но им на смену придут другие. – Тут лекарь внимательно взглянул на брата Освина. – Да, юноша, непременно придут. Все время кто-то приходит, а кто-то уходит. Одни уходят затем, чтобы продолжить свой земной путь, а другие навеки покидают этот бранный мир. Для кого-то наша обитель становится последним пристанищем, и, надеюсь, далеко не худшим.

Слова брата Симона смахивали на проповедь, и Кадфаэль невольно улыбнулся, припомнив милое простодушие брата Марка. Впрочем, известно, что Симон человек добрый, сострадательный и трудится без устали – любое дело у него спорится. Освин выслушал его с почтением, думая о предстоящем ему служении и не задавая вопросов.

– Если ты не против, – обратился Кадфаэль к брату Симону, – я покажу парнишке здешнее хозяйство. Заодно и вот это разгрузим. – Монах указал на туго набитую суму, свисавшую у него с пояса. – Я принес все снадобья, которые ты просил, и еще кое-что захватил – думаю, сгодится. Как только с этим разберемся, мы тебя разыщем.

– А что слышно о брате Марке? – спросил лекарь.

– О, наш Марк уже рукоположен в диаконы. Мне надо лишь протянуть на этом свете еще несколько лет, и тогда я смогу исповедоваться ему в самых страшных своих грехах и отойти с миром.

– С отпущением брата Марка? – с улыбкой промолвил Симон, выказывая неожиданную проницательность. Нечасто он отваживался на подобные намеки.

– Что ж, – задумчиво отозвался Кадфаэль, – очень может быть, что ты и прав. Я всегда считал, что на Марка можно положиться.

Он повернулся к Освину, который внимательно, с чуть растерянной улыбкой прислушивался к разговору старших, пытаясь вникнуть в суть их речей, ускользавшую от него, словно пух чертополоха на ветру.

– Пойдем, паренек, опорожним сумы, чтобы не таскать лишний вес, а потом я познакомлю тебя со здешним хозяйством.

Они прошли через большое помещение, которое служило одновременно и трапезной, и спальней для призреваемых, за исключением страдавших самыми опасными недугами. У стены стоял высокий шкаф, который брат Кадфаэль открыл своим ключом. Полки внутри были уставлены горшочками, флягами, склянками и деревянными шкатулками, в которых хранились пилюли, мази, отвары, притирания, собственноручно приготовленные Кадфаэлем. Монахи открыли сумы и выложили их содержимое на полки – туда, где оставалось место. Освин вдруг словно вырос в собственных глазах: он почувствовал себя посвященным в доступное не многим благородное искусство врачевания, ревностным служителем которого ему предстояло стать.

Позади приюта располагались небольшой огород, плодовый сад и амбары. Кадфаэль провел своего подопечного по всем помещениям и службам. Они уже возвращались, когда навстречу им попались трое больных, представлявших довольно любопытное зрелище. Первый, старик, который ухаживал за капустой, не без гордости продемонстрировал им плоды своего труда. Второй, увечный юнец, с завидной сноровкой передвигался на двух костылях. Третьим оказался слепой мальчик, которого монахи уже видели на крыльце. Услышав знакомый голос, мальчуган ухватился за пояс Кадфаэля.

– Это Уорин, – сказал Кадфаэль, обращаясь к Освину. Он взял мальчика за руку и повел к маленькой каморке брата Симона. – Он прекрасно поет в часовне и знает наизусть всю церковную службу. Впрочем, скоро ты всех тут будешь знать по именам.

Завидя их, брат Симон оторвался от своих дел и посмотрел на Освина.

– Ну что, брат Кадфаэль все тебе показал? Хозяйство наше невелико, но польза от него немалая. Тут и тебе найдется к чему приложить руки.

Освин от смущения зарделся и заверил, что будет стараться изо всех сил. Похоже, сейчас он только и ждал, когда наконец Кадфаэль удалится, чтобы поскорее приняться за дело. Травник догадался, что паренек робеет в его присутствии, – он добродушно похлопал своего ученика по плечу, пожелал ему успехов и пошел к выходу. Следом за ним направился и Симон. Они вышли из полутемной каморки на солнечный свет и оба невольно прищурились.

– Ты не слышал ничего новенького о том, как дела на юге? – спросил Кадфаэль, имея в виду, что часовня Святого Жилия находилась на самом краю города и все новости там узнавали первыми.

– Ничего определенного, – покачал головой брат Симон. – Остается только ждать и строить догадки. Три дня назад забрел к нам переночевать один нищий, старик, но еще вполне крепкий. Он пришел из Стэзиса, что возле Андовера, чудаковатый такой дед, может малость тронутый, кто его знает. Он вбил себе в голову, что надо перебираться на новое место, да не мешкая. Засело у него в башке, что пора уносить ноги на север, куда еще время есть.

– Ну что ж, – невесело отозвался Кадфаэль, – человек из тех краев, если он не привязан к земле или дому и терять ему нечего, вполне мог так рассудить, даже если с головой у него все в порядке. Напротив, может, разум и подсказал ему, что пришло время убираться восвояси.

– Может, и так. Он еще говорил – если только это ему не приснилось – что, уже собравшись в дорогу, оглянулся и увидел над Винчестером облако черного дыма, а ночью в той стороне полыхало алое зарево.

– Возможно, это и правда. – Кадфаэль задумчиво прикусил губу. – Если поразмыслить, то удивляться тут особо нечему. Последнее, что стало известно о тамошних делах, – это что епископ и императрица не доверяют друг другу и выжидают. Им бы немного терпения... Но похоже, эта леди никогда особым терпением не отличалась. Вот я и думаю: уж не осадила ли она замок епископа Генри? Как ты полагаешь: долго ли этот твой нищий пробыл в пути?

– По-моему, – отозвался Симон, – он спешил со всех ног, но все одно на дорогу ушло никак не меньше четырех дней. А стало быть, вся эта история, возможно, случилась уже неделю тому назад. Однако пока я не слышал ни слова в ее подтверждение.

– Еще услышишь, – грустно промолвил Кадфаэль, – если все правда. Это хороших вестей ждешь не дождешься, а дурные сами тебя найдут, не замедлят.

В раздумье Кадфаэль брел по предместьям, направляясь обратно в аббатство, все его мысли занимало зловещее известие, и он лишь рассеянно кивал и что-то невнятное бормотал в ответ на приветствия встречных. Было уже позднее утро, по пыльной дороге сновали многочисленные прохожие, а среди здешних прихожан мало нашлось бы таких, кто не знал травника. За годы своего монашества ему приходилось лечить многих из них или их детей. Случалось ему пользоваться и скотиной – много лет изучая людские хвори, он постиг и искусство выхаживать больных животных. Эти Божьи твари страдали порой не меньше своих хозяев, но в отличие от них не могли пожаловаться и встречали куда меньше сострадания. Травник старался приучить прихожан аббатства хорошо обращаться со своей скотиной – к их же выгоде. Он повидал немало лошадей, покалеченных на полях сражений, и, возможно, сочувствие к бессловесным страдальцам послужило одной из причин, побудивших его в конце концов оставить ратное поприще и принять монашеский обет.

Правда, служители Господа тоже не особо баловали мулов и иную домашнюю скотину, но многие при этом все-таки признавали, что доброе отношение к животным подобает христианину да вдобавок приносит ощутимую пользу.

Но сейчас Кадфаэль лишь мельком подумал о бедных животных и об искусстве врачевания. Его занимало, что же все-таки стряслось в Винчестере. Отчего небо над городом почернело днем и побагровело ночью? Тот нищий старик сразу смекнул, что это предвещает беду, и обратился в бегство, как некогда народ избранный, ведомый в пустыне столпом дыма и пламени. Кадфаэль не видел причины сомневаться в рассказе нищего. Многие люди, не лишённые здравомыслия, предчувствовали в последнее время недоброе. А тут еще лето выдалось жаркое, сухое – чтобы зажечь пожар, и искры хватит. Но какова императрица! Это ж надо было додуматься осадить епископа в его собственном городе, в собственном замке, будто ей и неизвестно, что неподалеку стоит сильная армия во главе с королевой, а ведь жена короля Стефана – такая леди, которая ни в чем не уступит самой императрице Матильде. Да и Лондон ведь по-прежнему враждебен императрице. И как же должен был обозлиться на нее епископ, чтобы всем рискнуть и бросить ей вызов! Впрочем, эти знатные особы все равно выйдут сухими из воды, не то что простолюдины – торговцы и ремесленники, у которых нет укрепленных замков, чтобы укрыться за их стенами.

Так, подумав о хворах животных, монах дошел до мыслей о бедствиях рода человеческого, но в этот момент внимание его привлек донесшийся сзади легкий и четкий перестук копыт. На дороге к тому времени было не так уж шумно, и брат Кадфаэль ясно слышал, что его догоняют всадники. Он остановился на краю ярмарочного поля и оглянулся: верховые на мулах были уже совсем близко.

Мулов было двое: один высокий, почти совсем белый, какой стоился бы и для аббата, а другой поменьше, рыжеватой масти, он трусил чуть позади. Но не мулы так заинтересовали Кадфаэля. Он с удивлением увидел на обоих всадниках черные бенедиктинские рясы, а значит, они были братьями одного с ним ордена. Очевидно, потому они и спешили, что заметили впереди монаха-бенедиктинца; как только Кадфаэль остановился, они замедлили ход и вскоре поравнялись с ним.

– Бог вам в помощь, братья! – обратился к незнакомцам Кадфаэль, с интересом разглядывая их. – Вы, верно, направляетесь в наш монастырь, в Шрусбери?

– Помоги и тебе Господь, брат, – откликнулся ехавший впереди. Голос его был бы красивым и звучным, если бы не странные, с присвистом, хрипы. Такое хриплое дыхание Кадфаэлю

случалось наблюдать у глубоких старцев, но этот человек был отнюдь не стар. – Ты, наверное, из здешней обители Святых Петра и Павла? – Монах с трудом произносил каждое слово. – Мы как раз туда и держим путь, и у нас есть письма для лорда аббата. Я так понимаю, что эта стена ограждает владения аббатства?.. В таком случае мы уже недалеко от цели.

– Да, вы совсем близко, – подтвердил Кадфаэль. – Я пойду с вами и покажу вам путь. Нам по дороге – я как раз возвращаюсь в обитель. Вы едете издалека?

Тут Кадфаэль наконец как следует рассмотрел лицо незнакомого монаха – исхудалое и изможденное, тонкие черты которого, однако, свидетельствовали о благородном происхождении. В гордой посадке головы, во взгляде темных, глубоко посаженных глаз читались невозмутимость и привычка повелевать. Капюшон путника был откинут и открывал венчик черных волос, выглядевший на его челе словно корона. Всадник был истощен, но фигура его сохраняла следы былой мощи. Кадфаэль заметил уже поблекший бронзовый загар на его коже, явно приобретенный за годы пребывания под палящим солнцем иной, более южной земли и имевший теперь какой-то болезненный оттенок. Всадник держался в седле так, словно был рожден в нем, однако движения его казались замедленными, а на лице застыло выражение усталости и отрешенности, какая пристала бы старцу, – между тем на вид ему можно было дать от силы лет сорок пять.

– Вообще-то издалека, – отозвался незнакомец с едва заметной грустной улыбкой, – но сегодня мы проделали путь только от Бригге.

– А далеко ли вы направляетесь? Задержитесь ли у нас? Вы были бы желанными гостями в нашей обители – и ты, и этот молодой брат. – С этими словами Кадфаэль взглянул на второго всадника.

Молодой человек ехал чуть позади, как положено слуге в присутствии своего господина. Юноше было на вид лет двадцать с небольшим – гибкий как лоза и довольно высокий, он был на голову ниже своего спутника. У него было овальное мальчишеское лицо с напряженно сжатым ртом, при этом юный всадник всем своим видом выражал покорность. Он низко, на самые брови, надвинул капюшон, вероятно, чтобы укрыться от жаркого солнца. Его большие, затененные капюшоном глаза почти неотрывно смотрели на старшего товарища. Бросив лишь один беглый взгляд на Кадфаэля, юноша тут же отвернулся.

– Мы хотели бы на некоторое время поселиться в вашей обители, – промолвил старший из путников, – если получим на то дозволение лорда аббата. Увы, мы лишились крова и ныне вынуждены просить о пристанище.

Они двинулись вперед, дорожная пыль клубилась под копытами мулов. Молодой всадник почтительно поотстал, следуя за старшими. Встречные, хорошо знавшие брата Кадфаэля, приветствовали его и незнакомых монахов, возбуждавших всеобщее любопытство. Старший монах неизменно дружелюбно отвечал на приветствия, молодой же за всю дорогу не проронил ни слова.

Слева впереди уже показались сторожка и церковь, высокая каменная стена раскалилась на солнце, и от нее тянуло жаром. Старший всадник бросил узду на шею мула, переплел тонкие пальцы своих худых, с прожилками рук и глубоко вздохнул.

– Прости меня, брат, – обратился он к Кадфаэлю, – что я так кратко отвечал тем, кто приветствовал нас на дороге, но это не значит, что я невежлив. Дело в том, что за последнее время я привык к молчанию. Да и горло у меня пересохло. Нелегко нам пришлось, мы такого насмотрелись – и пожар, и разрушения. Ты спрашивал, издалека ли мы прибыли. Мы пробыли в дороге несколько дней, поскольку мне не под силу ехать быстро. Мы, словно нищие, пробирались с юга...

– Из Винчестера! – с уверенностью воскликнул Кадфаэль, припомнив слова нищего о клубах дыма и отблесках пламени.

– Вернее, из того места, что прежде называли Винчестером.

Старший монах больше не брался за повод, предоставив Кадфаэлю вести мула под уздцы. Молодой всадник молча ехал следом. Они обогнули церковь с западной стороны и подъехали к сторожке. Незнакомец молчал, но едва ли оттого, что горькая память о случившемся не давала ему говорить, – по всему было видно, что этому человеку доводилось бывать в переделках и похуже. Вероятно, он утомился от долгого разговора и решил передохнуть. Должно быть, некогда у него был очень красивый, бархатистый голос – но ныне бархат, увы, изрядно поистерся.

– Может ли быть, – произнес он наконец с недоумением, – что мы добрались сюда первыми? Я-то думал, что вести с юга донеслись до Шрусбери еще неделю назад. Просто диву даюсь, что никто нас не опередил. Но коли так, нам придется рассказать о случившемся. Сами Небеса ополчились против нас! Увы, кто я такой, чтобы жаловаться, ведь прежде я сам творил нечто подобное? Так вот, императрица осадила Уолвеси, замок епископа на окраине Винчестера, а епископ приказал своим лучникам пускать зажженные стрелы, боглышая часть которых обрушилась не на головы врагов, а на крыши домов мирных горожан. Ныне город лежит в руинах. Монастырь выгорел дотла. От церквей остались лишь обгорелые стены, а наше аббатство Хайд-Мид, которое епископ Генри давно мечтал прибрать к рукам, обратилось в пепел. Потому, лишившись крова, мы здесь и ищем пристанища. Остальные братья разбрелись кто куда – по тем бенедиктинским обителям, где у них родичи или друзья. И никто уж никогда не вернется в Хайд...

Кадфаэль огорченно вздохнул. Выходит, нищий сказал правду. Перст Господень указал бедолаге путь к спасению, он и впрямь видел с холма клубы дыма и багровое пламя, бушевавшее над Винчестером, городом епископа Генри, который тот собственными руками предал огню.

– Господь каждому воздаст по делам его! – сказал он.

– Воистину так! – отозвался незнакомец, возвысив голос, и эхо его слов отдалось под каменным сводом ворот.

Из сторожки, приветливо улыбаясь, вышел привратник, а конюх, завидев прибывших верхом братьев, поспешил принять у них мулов. Взгляду приезжих открылся спокойный, освещенный солнцем большой монастырский двор, наполненный повседневной суетой: братья, послушники и служки сновали во всех направлениях, занятые своими обыденными делами. Оставалось полчаса до полудня, в аббатской школе закончился урок, и высыпавшие во двор мальчишки гоняли мяч, в воздухе звенели их веселые голоса. Во всем чувствовалось размеренное течение монастырской жизни, в которой одно следует за другим по строго заведенному порядку – словно времена года.

Проехав ворота, всадники остановились. Кадфаэль подержал стремя старшему, хотя, как оказалось, надобности в этом не было: тот соскочил на землю так же естественно и непринужденно, как птица расправляет и складывает крылья, но несколько замедленно. Он потянулся и выпрямился во весь свой немалый – явно выше шести футов – рост. Несмотря на очевидную слабость, в движениях незнакомца ощущалась грация и держался он прямо, как древко копья. Его младший спутник соскочил с мула и стоял в напряженной позе, озираясь по сторонам. Возможно, ему не понравилось, что Кадфаэль опередил его услужливую руку, однако он ничем не высказал ни благодарности, ни протеста.

– С вашего позволения я сообщу аббату Радульфусу о вашем прибытии, – предложил Кадфаэль. – Как доложить о вас?

– Скажи ему, что братья Хумилис и Фиделис, прибывшие из лежащего ныне в руинах приората Хайд, во имя нашего святого ордена призывают к его милосердию и с покорностью молят о покровительстве и защите.

Кадфаэлю подумалось, что в прошлом смиряться и выказывать покорность этому человеку приходилось нечасто, но, похоже, ныне ему не чужды эти добродетели.

– Я передам твои слова в точности, – промолвил Кадфаэль и обернулся к молодому монаху, ожидая от него знака одобрения или согласия. Тот только склонил прикрытую капюшоном голову, но не проронил ни слова.

– Прошу тебя, – сказал брат Хумилис, стоявший рядом со своим белоснежным мулом, – не таи обиды на моего юного друга. Брат Фиделис не может словами поблагодарить тебя за заботу – он нем.

Глава вторая

– Приведи этих братьев ко мне, – озабоченно распорядился аббат Радульфус, с удивлением выслушав сообщение Кадфаэля о прибытии путников и краткий рассказ о том, что вынудило их пуститься в дорогу. Отодвинув в сторону пергамент и перо, аббат поднялся из-за стола и подошел к окну – его высокая прямая фигура четким силуэтом обозначилась в лучах солнечного света.

– Господи, надо же было такому случиться! И город, и святая обитель лежат в руинах! Безусловно, мы будем рады приютить своих братьев, пусть остаются у нас навсегда, если пожелают. Приведи их ко мне, Кадфаэль, и побудь здесь. Я с ними побеседую, а потом ты покажешь им обитель и отведешь к приору Роберту. Нужно будет подготовить для них кельи.

Кадфаэль, весьма удовлетворенный тем, что его не отстранили от дальнейшего участия в судьбе приезжих, отправился выполнять поручение. Он провел новоприбывших братьев через монастырский двор туда, где в тени небольшого сада располагались аббатские покои. Монаху не терпелось вызнать все, что возможно, о случившихся на юге событиях – будь на его месте Хью Берингар, тот бы чувствовал то же самое. Ибо, к сожалению, новости в последнее время доходили до Шрусбери с большим опозданием, не поспевая за происшествиями. Это касалось и событий в Винчестере. Бог знает, что еще могло случиться с тех пор, как несчастные братья из Хайда рассеялись по свету, ища прибежища где придется.

– Отец аббат, это брат Хумилис и брат Фиделис, – представил прибывших Кадфаэль.

После заливавшего двор яркого солнечного света здесь, в маленькой, обшитой деревом комнате, царил полумрак. Хумилис и Радульфус на мгновение замерли, вглядываясь в лица друг друга, – оба высокие, властные, в чем-то похожие. Аббат сам выдвинул стулья и жестом пригласил гостей садиться, однако молодой монах почтительно отступил назад и замер стоя. Вероятно, он предпочитал держаться в отдалении, поскольку все равно не мог принять участия в разговоре. Радульфус еще не знал о его немоте, однако не высказал ни одобрения, ни порицания странному поведению гостя.

– Братья, – сказал аббат, – мы от всего сердца приветствуем вас в стенах нашей обители. Все, что мы имеем, в вашем распоряжении. Я слышал, что вам пришлось проделать неблизкий путь, знаю я и о несчастье, которое заставило вас пуститься в дорогу. Я скорблю об участи братьев из Хайда и надеюсь, что здесь вы обретете спокойствие и безопасное пристанище. Милостью Господней война обходит нас пока стороной. Ты, – он обратился к старшему, – верно, брат Хумилис?

– Истинно так, отец аббат. Со мной письмо нашего приора, в котором он вверяет нас твоей доброте.

Хумилис вытащил из-за пазухи свиток и положил его на стол перед аббатом. Поколебавшись мгновение, он сказал:

– Как тебе, наверное, известно, наша обитель в Хайде уже более двух лет не имела аббата. Дело в том, что епископ Генри хотел присоединить аббатство к епископским владениям, а потому всячески оттягивал утверждение нашего духовного главы. Братия упорно противилась планам епископа, но он, очевидно, рассчитывал, что без пастыря нам не выстоять. Теперь же все это уже не имеет значения, ибо монастырь в Хайде сгорел дотла.

– Неужто он полностью разрушен? – нахмурился, спросил Радульфус.

– Увы, полностью. Может быть, со временем на его месте и поднимется новая обитель, кто знает. Но от старого монастыря остался один пепел.

– Расскажи все, что тебе известно, – тяжело вздохнув, попросил Радульфус. – Слава Господу, что мы пока живем здесь мирно, вдалеке от этих страшных потрясений.

Брат Хумилис сложил руки на коленях и устремил на аббата взгляд глубоко посаженных глаз.

«Любопытно, – подумал Кадфаэль, глядя на осунувшееся скорбное лицо приезжего, – какое имя он носил в миру? Наверное, гордое и звучное. Отчего же при постриге он выбрал для себя имя Хумилис, что в переводе с латыни значит Униженный?» На тонзуре монаха виднелся бледный шрам – след давно зажившей раны. Рубец от удара клинком, безошибочно определил Кадфаэль, причем не мечом, какой носят христианские рыцари, а изогнутым клинком – саблей, что в ходу у сарацин. Кадфаэля не слишком удивило это открытие. Теперь понятно, где приобрел Хумилис свой некогда бронзовый загар.

– Точной даты я не припомню, – начал Хумилис свой рассказ, – но ближе к концу июля императрица со своим войском вступила в Винчестер и заняла королевский дворец у западных ворот. Оттуда она отправила гонца к епископу Генри с повелением явиться к ней, но тот, по слухам, прислал ответ, в котором выражал покорность, но заверял, что вынужден повременить; какой уж предлог он придумал, не знаю. Повременил епископ изрядно и, судя по тому, что случилось потом, не терял времени зря. К тому моменту, когда терпение у императрицы лопнуло и она двинула на него войско, епископ успел надежно укрепить свой новый замок Уолвеси на юго-восточной окраине города и чувствовал себя в безопасности за крепкими стенами. К тому же в городе поговаривали, что королева со своими фламандскими наемниками спешит ему на выручку. Так это или нет, не ведаю, но у него самого в замке был сильный гарнизон, в достатке обеспеченный оружием и припасами. Прости, отец аббат, – мягко обратился Хумилис к Радульфусу, – что я столько говорю о делах военных. Тебе, должно быть, неприятны такие речи, но я слишком долго носил оружие, а человеку не дано напрочь забыть то, что составляло его жизнь.

– Боже упаси, – отозвался Радульфус, – чтобы человек забывал, что он делал, исполняя свой долг, с верою в сердце. В войске ли или в обители – все мы служим Всевышнему и нашей Англии. На это нельзя закрывать глаза, иначе трудно принести пользу кому бы то ни было. Продолжай, брат. Кто же нанес первый удар? Ведь не так давно они были союзниками.

– Начала военные действия императрица. Узнав о том, что епископ укрепился в замке, она немедленно приказала своим людям окружить Уолвеси. Они использовали для осады все, что только можно, а начали с того, что снесли поблизости все дома, лавки и мастерские, чтобы расчистить пространство и подтащить поближе тараны и катапульты. Но в распоряжении епископа имелся многочисленный гарнизон, да и стены у замка прочные, совсем новые. Как я слышал, он начал возводить эти укрепления лет десять тому назад. Однако метательные машины сильно ему досаждали, вот его люди и пустили в ход зажигательные стрелы. Начался пожар, и бо́льшая часть города выгорела – и женский монастырь, и церкви, и лавки. Огонь не натворил бы такой беды, да это лето, как на грех, выдалось такое жаркое и сухое...

– И Хайд-Мид поэтому сторел? – со вздохом спросил аббат.

– Да, наша обитель тоже запылаха от зажигательной стрелы, и я не знаю, с чьей стороны она прилетела. К тому времени битва шла уже и за городскими стенами, и солдаты, как водится, грабили всех подряд. Мы боролись с огнем до последней возможности, но некому было прийти нам на помощь, а жар был такой свирепый, что мы не могли с ним совладать. Тогда приор велел нам покинуть обитель, и мы ушли. Увы, не все, – мрачно добавил Хумилис, – не обошлось без жертв.

«Да, – подумал Кадфаэль, внимательно слушавший Хумилиса, – в таких случаях никогда не обходится без жертв, а ими, как правило, становятся самые беспомощные и ни в чем не повинные».

Хумилис замолчал. Некоторое время Радульфус тоже сидел молча, насупив брови и крепко сжав сцепленные пальцы.

– Но раз приор прислал письмо, значит, он остался жив, – промолвил наконец аббат. – Где же он теперь?

– Отец приор в безопасности, в маноре своего родича, в нескольких милях от Винчестера. Он приказал нам покинуть монастырь и отправиться в путь в поисках убежища. Я попросил его дозволения взять с собой брата Фиделиса и поселиться в Шрусбери. Теперь мы добрались сюда и полагаемся на твою милость.

– Но почему? – поинтересовался Радульфус. – Мы искренне рады принять вас. Я только хотел бы знать, почему ты избрал именно нашу обитель?

– Отец аббат, я родился неподалеку отсюда, в маноре Сэлтон, в нескольких милях вверх по реке. Мне давно хотелось повидать родные места или хотя бы побывать поблизости, прежде чем Господь призовет меня. – Он улыбнулся, встретив пронизательный взгляд аббата. – Манор Сэлтон был единственным владением моего отца в этом графстве. Так уж вышло, что там я появился на свет, и так уж вышло, что, лишившись крова, я вернулся туда, откуда начал свой путь.

– Это ты хорошо сказал, брат. Пусть наша обитель станет теперь твоим домом. А кто твой молодой спутник?

Фиделис откинул капюшон, почтительно склонил голову и смиренно сложил руки, но не издал ни звука.

– Отец аббат, он не может сказать за себя, поэтому я благодарю тебя от имени нас обоих. В Хайде я часто хворал, а брат Фиделис по доброте душевной выхаживал меня и стал мне верным другом и неразлучным спутником. У него нет родных, к которым он мог бы вернуться, и поэтому он решил остаться со мной и, как прежде, заботиться обо мне. Если, конечно, ты позволишь, отец аббат. – Хумилис дождался утвердительного кивка Радульфуса и продолжал: – Брат Фиделис в вашей обители будет служить Господу так же усердно, как в Хайд-Миде. Я его знаю и ручаюсь за него. Вот только в церковном хоре от него не будет проку: брат Фиделис нем.

– Пусть так, – промолвил Радульфус, – наша обитель все равно ему рада, ведь молиться Всевышнему можно и в молчании. Кто знает, может, его неизреченные молитвы окажутся красноречивее наших.

Если аббат и был не слишком обрадован тем, что к пастве его обители присоединится немой брат, он ничем не выдал своего недовольствия.

– После такого тяжкого испытания, – сказал он, – вы оба, должно быть, совсем измотаны. Но все станет на свои места, когда вы обретете кров, покой и займетесь мирными трудами. Сейчас ступайте с братом Кадфаэлем – он отведет вас к приору Роберту, а заодно познакомит с нашей обителью, покажет и спальню, и трапезную, и, конечно, свои владения – сады и огороды. Он поможет вам устроиться, и вы подкрепитесь и отдохнете – сейчас вам это нужно больше всего. А к вечерне приходите в церковь помолиться вместе с нами.

Как только Хью Берингар слышал о том, что в обитель прибыли путники с юга, он со всех ног поспешил в аббатство, чтобы переговорить с аббатом Радульфусом и расспросить обо всем брата Хумилиса, который охотно повторил свой рассказ для шерифа. Когда монах поведал ему все, что знал, Хью отправился к брату Кадфаэлю и застал его в саду за поливкой. До вечерни оставался еще час, и даже старательный садовник мог позволить себе передохнуть, устроившись в тенечке. Кадфаэль отложил в сторону лейку и, оставив залитые солнцем грядки дожидаться вечернего холода, присел рядом с другом на скамью у южной стены.

– Хорошо, что хоть ты, Хью, можешь, по крайней мере пока, дышать свободно, – заметил он. – Пока сильные мира сего сцепились друг другу в глотки, им не до тебя. Жаль, конечно, ни в чем не повинных горожан, монахов да монахинь, но так уж повелось в этом мире. Да и королева со своими фламандцами, должно быть, скоро подойдет к Винчестеру, если еще не поспела. Что тогда будет? Небось осаждающие сами окажутся в осаде?

– И такое бывало, – согласился Хью. – Епископ неплохо подготовился и предусмотрительно запасся всем необходимым. А ведь войску императрицы, само собой, тоже нужны припасы. На месте военачальника королевы я бы первым делом перекрыл все дороги, ведущие в Винчестер, чтобы лишить императрицу возможности получать провизию. Ладно, поживем – увидим. А ты, я слышал, первым повстречался с этими братьями из Хайда?

– Я увидел их по дороге в аббатство. А ты что о них скажешь? Ты ведь долго беседовал с братом Хумилисом?

– А что тут можно сказать – вот так, с ходу? Один хворый, другой немой. Вы-то здесь, в обители, что о них думаете?

Хью бросил пристальный взгляд на своего старого друга, разморенного жарой и казавшегося тугодумом, но уж Берингар-то знал, каков тот на самом деле. Видя, что Кадфаэль молчит, он заговорил первым:

– Старший из них – рыцарь, это сразу видно. И он нездоров. В прошлом ему, несомненно, довелось участвовать в сражениях – я заметил рубцы от старых ран. А ты обратил внимание, что он ходит так, будто боится задеть левый бок? Очевидно, одна из ран не зажила. А что до молодого... Я вполне могу его понять: он очарован своим старшим товарищем и преклоняется перед ним. По-моему, им обоим очень повезло! Один приобрел достойного покровителя, а другой – преданного и заботливого помощника. Верно я говорю? – улыбаясь, с шутливым вызовом спросил Хью.

– Но ведь ты пока не сообразил, кто таков этот брат Хумилис, – отозвался Кадфаэль, – всего он тебе не рассказал. Да, повоевал он немало, он сам это признал, да и ты смог о том догадаться. На тонзуре у него виден шрам, и я тебе точно скажу, что это след от сарацинской сабли. Рана-то была не смертельная, зажила, но рубец на всю жизнь остался. На вид ему лет сорок пять, и родом он из Сэлтона. Этот манор прежде принадлежал епископу Честерскому, впоследствии он преподнес эти земли в дар церкви Святого Чеда, что здесь неподалеку. Однако храм не удержал это поместье, и много лет назад Сэлтон перешел во владение знатной семьи Мареско. Сейчас эту землю арендует один местный фермер.

Монах бросил на Хью взгляд из-под кустистых бровей цвета опавшей листвы и продолжал:

– Итак, брат Хумилис – урожденный Мареско. А я слышал только об одном Мареско, примерно того же возраста, побывавшем в крестовом походе. Это было лет шестнадцать или семнадцать тому назад. Я тогда только недавно принял постриг, память о прошлом была еще свежа, и я любил слушать рассказы о тех, кто отправился в Святую землю. Так вот, некий Годфрид Мареско, как мне помнится, повел с собой в поход три дюжины воинов из своих земель. Он прославился своей доблестью и отвагой.

– Ты думаешь, это он? Этот несчастный калека?

– А почему тебя это удивляет? Доблестные мужи так же уязвимы, как и все прочие. И даже более, ибо они идут в бой впереди, а не прячутся за спинами товарищей. А об этом рыцаре говорили, что он всегда сражался в первых рядах. Я думаю, приор Роберт пороется в хрониках Сэлтона и без труда установит настоящее имя Хумилиса. Роберт знает родословную каждого лорда в этом графстве. Стало быть, брату Хумилису не надо ничего делать, чтобы оправдать свое пребывание в стенах обители, – как достойный представитель знатного рода он сам по себе составит славу нашего аббатства.

– Тем более, – усмехнулся Хью, – что он и делать-то ничего не может, ему остается лишь дожидаться кончины и навеки упокоиться в монастырской земле. Ты всяко лучше меня разбираешься в смертельных недугах. Ты же видишь, что этот человек уже одной ногой в могиле. Не скажу, что он вот-вот умрет, но очевидно, что конец его близок.

– Точно так же, как твой или мой, – отрезал Кадфаэль. – А скоро он представится или нет – того нам знать не дано. Это уж как Бог положит. А до той поры каждый день важен, и последний не меньше, чем первый.

– Будь по-твоему! – с благодушной улыбкой отозвался Хью. – Сдается мне, тебе не придется долго дожидаться, прежде чем он попадет в твои руки. А что скажешь о немом парнишке?

– Да пока ничего! Попробуй разберись, что это за человек, если говорить он не может да и держится в тени. Ладно, дай время, и мы узнаем его получше.

Человек, отрекшийся от мирских благ, повсюду как дома, что в Хайд-Миде, что в Шрусбери. Облаченный в монашеское одеяние и участвующий в общих трудах, он вскоре перестает обращать на себя внимание. Здесь, на севере, брат Хумилис и брат Фиделис жили той же размеренной жизнью, подчиненной незыблемому монастырскому распорядку, как и у себя на юге. Однако приор Роберт достаточно скоро разобрался в генеалогических хитросплетениях и с немалым удовольствием выяснил, что аббатство приютило в своих стенах достойнейшего брата, прославленного крестоносца, чье имя прогремело во время последней войны с атабегом Зенги Мосульским, угрожавшим Иерусалимскому королевству. А уж брат Жером, известный приорский прихвостень, постарался довести эту новость до всех. Честолюбивые планы самого приора Роберта не выходили за пределы Шрусберийской обители, но он не упускал из виду ни одного важного события за стенами монастыря. Он знал, что Иерусалимское королевство было потрясено до основания Зенги, владыкой Мосула, и выстояло только благодаря союзу с эмиром Дамаска. И, как выведал Роберт, в битве, едва не ставшей роковой для Иерусалима, Годфрид Мареско сыграл выдающуюся роль.

– Он выстаивает каждую службу и трудится не жалея сил в часы, отведенные для работы, – сказал Кадфаэлю попечитель лазарета, брат Эдмунд, глядя вслед новоприбывшему брату, который брел к повечерию по освещенному ласковым вечерним солнцем монастырскому двору. – И ведь ни разу не обратился за помощью ни ко мне, ни к тебе... Да, хотелось бы, чтобы он выглядел получше, а то исхудал-то как – кожа да кости. И бледный какой – на лице ни кровиночки...

За Хумилисом, словно тень, следовал его преданный спутник, молодой и проворный, готовый в любую минуту поддержать старшего друга, если тот оступится или пошатнется.

– Этот малый знает о нем все, – заметил Кадфаэль, – только рассказать не может. Но если бы и мог, все равно не вымолвил бы ни слова без дозволения своего господина. Как ты думаешь, может, этот парнишка – сын одного из арендаторов Мареско? Наверное, что-то в этом роде. Паренек воспитанный и грамотный. Латынь знает почти так же хорошо, как и его господин.

Сказав это, Кадфаэль подумал, что вряд ли правильно называть чьим бы то ни было господином человека, отрекшегося от мира и избравшего себе имя Хумилис – «униженный».

– Знаешь, что мне пришло на ум, – нерешительно промолвил Эдмунд, – а что, если это его родной сын? Хумилис, похоже, из тех, кто способен любить и оберегать свое потомство. И парень этот тоже любит его и восхищается им – а как же не любить отца, да еще такого?

«Что ж, может, это и правда, – подумал Кадфаэль. – Оба рослые, статные, да и в чертах, пожалуй, есть некоторое сходство. Впрочем, к Фиделису никто толком и присмотреться-то еще не успел: парень старается как можно меньше попадаться на глаза. Трудновато, видать, пообвыкнуть ему на новом месте, не то что Хумилису, – недостает ни жизненного опыта, ни уверенности в себе, вот и переживает по молодости лет. Он потому так и льнет к Хумилису, что тот стал для него единственной опорой».

Оба новоприбывших монаха работали вместе в одной каморке – хранилище рукописей. Было очевидно, что брат Хумилис может выполнять только сидячую работу, к тому же он выказал большое искусство в копировании и украшении манускриптов. Однако Хумилис быстро утомлялся, рука его могла дрогнуть при начертании тонких орнаментов, и брат Радульфус рас-

порядился, чтобы Фиделис неотлучно находился при нем, помогал ему и подменял по мере надобности. Почерк обоих оказался удивительно схожим, как будто Фиделис долго перенимал у Хумилиса его искусство, хотя, возможно, юноша научился этому быстро, движимый любовью к своему наставнику и стремлением во всем ему подражать.

– Я прежде никогда не задумывался, – рассуждал вслух брат Эдмунд, – в каком необычном и замкнутом мире живет человек, лишенный голоса, и как непросто понять его и тронуть его душу. Я поймал себя на том, что в его присутствии говорю о нем с братом Хумилисом, как будто этот парень ничего не слышит и не понимает, и мне стало стыдно. Но как к такому подступиться, я, право, не знаю. Раньше мне не приходилось сталкиваться ни с чем подобным, и я, по правде говоря, малость растерялся.

– Всякий бы растерялся, – поддержал его Кадфаэль.

Верно подметил Эдмунд – он и сам это чувствовал. Бенедиктинский устав предписывал монахам избегать суесловия и говорить по возможности тихо, но это одно, а вечное молчание брата Фиделиса – совсем другое. Братья, обращаясь к нему, стараются использовать побольше жестов и поменьше слов, будто парень и впрямь не имеет ни слуха, ни разума. А на самом деле он сметлив, чуток, и слух у него острый. «И вот что странно, – подумал Кадфаэль, – немые зачастую понятия не имеют о звуках, оттого что не издают их. Этот же грамотен, даже сведущ в латыни, и, стало быть, умом его Господь не обидел. Возможно, юноша онемел не так уж давно – мало ли какой недуг может повредить язык или гортань. А если даже он нем от рождения, то не в том ли дело, что сухожилия под языком слишком натянуты? И в таком случае не попытаться ли исправить это – упражнениями или с помощью ножа? И чего это я лезу куда не просят!» – сердито оборвал себя Кадфаэль, отбрасывая прочь мысли, которые все равно ни к чему не могли привести. К повечерию он отправился в покаянном расположении духа и, превзойдя требования устава, сам провел остаток вечера в молчании.

На следующий день братья и послушники направились в плодовые сады – собирать пурпурно-черные сливы, которые как раз подошли к порогу нежной спелости. Часть этих фруктов братия употребит в пищу свежими, остальные же будут заготовлены впрок. Брат Петр выварит из них густое темное повидло, оно хранится долго и может сгодиться при выпечке пирогов с маком. А если провялить сливы под солнцем на сушильной сетке, то получатся клейкие сладкие тянучки.

У Кадфаэля в его маленьком садике тоже было несколько сливовых деревьев, но в основном плодовые деревья аббатства были высажены в большом саду, раскинувшемся в плодородной долине вдоль берега реки. Собирали фрукты монахи помоложе, а помогали им мальчишки-послушники и ученики монастырской школы. Полные пригоршни слив отправлялись за пазуху едва ли не чаще, чем в монастырские корзины, однако Кадфаэль предпочитал делать вид, что этого не замечает.

Разумеется, в такую чудесную погоду да при такой веселой работе никто не собирался требовать соблюдения обета молчания. Задорные мальчишеские голоса звенели в ушах Кадфаэля, когда он процеживал вино у себя в сарайчике или пропалывал и поливал грядки. Ребячий гомон радовал его слух. Порой в шумной многоголосице монахов узнавал знакомые голоса – легкие и звонкие. Вот ясный, радостный зов брата Руна, самого молодого из новичков, всего два месяца как принятого на послушание. Парнишке всего шестнадцать, и ему еще не выстригли тонзуру – сперва надо пожить в монастыре и поразмыслить как следует, не было ли твое решение отречься от мира необдуманным порывом. Однако кто-кто, а брат Рун, похоже, не раскается в своем выборе. Когда паренек приплелся в аббатство на праздник святой Уинифред, он был скрюченным калекой, страдавшим от невыносимой боли, но сподобился чудесного исцеления. Высокий, гибкий и стройный, теперь он радуется жизни, и радость его передается окру-

жающим. Сейчас, надо думать, одно его присутствие радует того, кто рядом с ним собирает сливы.

Брат Кадфаэль подошел к ограде, чтобы лишний раз взглянуть на парнишку. Тот, кто некогда был убогим калекой, вскарабкался на дерево и, устроившись среди ветвей, ловкими пальцами срывал сливы, да так сноровисто, что даже не пачкал рук. Свесившись с дерева, он складывал фрукты в корзину, которую держал молодой монах, стоявший спиной к Кадфаэлю, так что тот не сразу его узнал. Но когда юноша повернулся, чтобы поудобнее подставить корзину Руну, оказалось, что это брат Фиделис.

Капюшон его был откинут, и Кадфаэль впервые смог рассмотреть его лицо при ярком свете дня. Похоже, немота Фиделиса ничуть не смущала Руна – тот трещал без умолку, хотя ответом ему было молчание. Рун со смехом склонялся к своему напарнику, а Фиделис глядел на него с улыбкой. Свесиваясь с дерева, Рун протягивал Фиделису фрукты, а тот тянулся вверх, и руки их при этом соприкасались.

«В конце концов, – подумал Кадфаэль, – так оно и должно быть. Молодость отважна и без колебаний идет на то, на что умудренные опытом люди могут решиться лишь после долгого раздумья. К тому же боольшую часть своей короткой жизни Рун сам страдал от недуга, но, к счастью, не озлобился и, избавившись от хвори, хочет поделиться хотя бы малой толикой своего счастья с обреченным на молчание собратом. Остается лишь возблагодарить Господа за то, что у мальчугана доброе сердце».

В задумчивости Кадфаэль вернулся к своим грядкам, вспоминая лучистую, ясную улыбку того, кто имел обыкновение укрываться в тени. Лицо у юноши было овальным, с резко очерченными контурами, высоким лбом, выступающими скулами и с нежной кожей цвета слоновой кости. Здесь, в саду, Фиделис выглядел ненамного старше Руна, хотя на самом деле ему, надо полагать, было больше двадцати. Волнистые каштановые с рыжкой волосы венчиком окружали тонзуру, широко расставленные серые глаза под полукружиями бровей, казалось, излучали свет. Ничего не скажешь, миловидный юноша – будто слегка затененное отражение лучезарной красоты Руна. Словно полдень и сумерки сошлись вместе.

Когда брат Кадфаэль, отложив мотыгу и лейку, направился к вечерне, сборщики фруктов еще продолжали трудиться, хотя основная работа была уже сделана. На монастырском дворе стояла обычная для этого времени суeta: братья возвращались из садов, паломники толпились у странноприимного дома и конюшен, а из церкви доносились мелодичные звуки маленького органа – брат Ансельм решил до начала службы опробовать новый кант.

Брат Хумилис сегодня работал в хранилище рукописей один – должно быть, он сам отослал юношу в сад, чтобы тот поработал на свежем воздухе, иначе Фиделис ни за что бы его не покинул. Кадфаэль собрался было заглянуть к брату Ансельму, посидеть с ним с четверть часа, пока не зазвонят к вечерне, поговорить о музыке, а то и поспорить. Но как только он вспомнил о немом юноше, которого старший друг по доброте душевной отпустил порадоваться солнышку в обществе сверстников, перед его мысленным взором тут же предстало изможденное лицо брата Хумилиса, замкнутое в своем горделивом одиночестве. Кто знает, а может быть, вовсе не гордыней, а смирением продиктовано его одиночество? Недаром он назвался Хумилисом – наверное, и вправду стремится к уединению и безвестности. Но тщетно: слава его оказалась слишком громкой, и теперь в аббатстве нет человека, который бы не знал, кто такой брат Хумилис. Напрасно он пытался скрыть свое имя – будь он нем, так же как Фиделис, и то ничего бы не вышло.

Отказавшись от своего первоначального намерения, Кадфаэль повернул к хранилищу рукописей, окна которого были обращены на юг, чтобы в них дольше стояло солнце. Брату Хумилису подобрали самое светлое помещение, в котором долго не темнело. Здесь стояла тишина, издали доносились лишь мягкие, приглушенные звуки органа брата Ансельма.

– Брат Хумилис... – негромко позвал Кадфаэль, подойдя к порогу.

Со стола свешивался смятый лист пергамента, горшочек с золотой краской упал на каменный пол, забрызгав его капельками золота. Брат Хумилис лежал ничком, навалившись грудью на стол; правой рукой он вцепился в столешницу, чтобы не соскользнуть на пол, а левую крепко прижимал к низу живота. Он уронил голову на манускрипт, над которым работал, и перепачкался в алой и голубой краске. Глаза Хумилиса были закрыты, и не просто сжаты, а стиснуты от труднопереносимой боли. Он терпел ее молча, не издавая ни звука и даже не пытаясь позвать на помощь, – иначе сюда уже сбежались бы монахи из соседних келий.

Брат Кадфаэль осторожно коснулся его руки. Бледные, с голубыми прожилками веки поднялись, и на Кадфаэля взглянули блестящие, умные глаза, в которых застыла боль.

– Брат Кадфаэль... – выдохнул больной.

– Не шевелись, полежи спокойно минутку, – отозвался Кадфаэль, – я сбегаю за братом Эдмундом в лазарет...

– Нет, не надо! Брат, помоги мне... добраться до постели. Это пройдет... Это со мной не в первый раз... Поддержи меня и помоги выбраться отсюда! Я не хочу, чтобы меня видели...

Отвести Хумилиса в dormitorio можно было через церковь, не выходя во двор. Так было быстрее, чем добираться до лазарета, и к тому же не привлекло бы внимания, а Хумилис больше всего стремился избежать разговоров о своей персоне. Силы его были на исходе, и ему удалось подняться лишь усилием воли. Кадфаэль поддерживал его, крепко обняв рукой за талию, а Хумилис обхватил травника за шею. Незамеченными они прошли через церковь, где царили сумрак и прохлада, и медленно поднялись по лестнице.

Оказавшись наконец в своей келье, брат Хумилис рухнул на постель и безропотно вверил себя заботам Кадфаэля. Сняв с больного рясу, Кадфаэль увидел, что сквозь полотняные подштанники выступило пятно крови, смешанной с гноем, которое тянулось от левого бедра к паху.

– Рана загноилась, и ее прорвало, – раздался спокойный голос Хумилиса. – Это все из-за долгой поездки верхом... Прости, брат, я понимаю, что это зловоние...

– Мне все-таки придется привести Эдмунда, – прервал его Кадфаэль. Он развязал тесемки и поднял рубаху, намереваясь осмотреть рану. – Попечитель лазарета должен знать об этом.

– Хорошо... Но больше никому ни слова. Зачем тревожить остальных?

– Кроме, конечно, брата Фиделиса? Он-то, наверное, знает?

– Да, он знает! – отозвался Хумилис, и лицо его озарила слабая улыбка. – Его нечего опасаться – даже если бы он мог что-то разболтать, то все равно не стал бы этого делать. А все мои хвори и болячки для него не тайна. Но не тревожь его сейчас, пусть отдохнет до окончания вечерни.

Убедившись, что брату Хумилису полегчало и с лица его исчезла гримаса боли, Кадфаэль оставил его лежащим на спине с закрытыми глазами и поспешил вниз, чтобы до вечерни успеть найти брата Эдмунда и привести его к больному.

Возле садовой ограды стояли корзины, доверху наполненные сливами. Их уберут отсюда, когда служба закончится, а сейчас вся братия уже на подходе к церкви. Это и кстати! Пусть-ка Фиделис убедится в том, что и кое-кто другой может позаботиться о его господине. Глядишь, паренек и проникнется доверием к тем, кто помог Хумилису в трудную минуту.

– Я так и знал, что скоро ему потребуется наша помощь, – заявил Эдмунд, торопливо поднимаясь по главной лестнице. – Старые раны, в них, видно, все дело... Я смекаю, тут от тебя будет больше толку, чем от меня, – ты ведь сам бывалый вояка.

Колокол, созывавший к вечерне, смолк. Когда братья подходили к ложу больного, до них донеслись первые звуки начавшейся службы. Хумилис медленно приоткрыл тяжелые веки и улыбнулся.

– Братья, простите, что причиняю вам беспокойство...

Хумилис снова закрыл глаза, предоставив врачевателям делать с ним все, что те считают нужным. Они осторожно сняли с него белье, и взору их предстала страшная рана. Частично зарубцевавшийся шрам тянулся от бедра, где рубец был глубоким, почти до кости, потом проходил через живот и заканчивался глубоко в паху. В нижней части рана наполовину затянулась, от нее осталась лишь бледная борозда, но выше, на животе, края ее разошлись и воспалились – побагровевшие, они сочились гноем и кровью.

Годфрид Мареско вернулся из крестового похода живым, но был искалечен, как видно, без надежды на исцеление. «Боже мой, – подумал Кадфаэль, – даже к несчастным прокаженным с изуродованными лицами и скрюченными пальцами, призреваемым в богадельне Святого Жилия, судьба была менее сурова». По характеру раны он понял, что побудило прославленного воина уйти в монастырь. Древний род Мареско пресекался, ибо не могло быть побегов от этого благородного древа. Годфрид не мог стать мужем, но мужество его заслуживало восхищения.

Глава третья

Брат Эдмунд побежал в лазарет за чистым бельем и теплой водой, а Кадфаэль устремился в свой сарайчик за необходимыми снадобьями, бальзамами и мазями. Он решил, что завтра обязательно нарвет свежей, сочной буковицы, чистеца и болотного вереска, целебные свойства которых сильнее, чем у отваров, которые он заготовил про запас. Но на первый случай сгодится и то, что есть под рукой. Еще надо будет набрать вербейника, крестовника лугового и папоротника, который змеиным языком кличут, – эти травы очищают и вяжут, нет ничего лучше для заживления старых загноившихся ран. Слава Богу, ходить за этим добром далеко не надо, растет под каждым кустом на лужайках вдоль берегов Меола.

Кадфаэль и Эдмунд тщательно очистили открытую рану тряпицей, смоченной отваром чистеца и буковицы, и, удалив гной, смазали ее бальзамом из тех же трав с добавлением полевого шалфея и алзины. Сверху они наложили чистую льняную холстину и туго перевязали рану. Принес Кадфаэль и средство, унимающее боль, – вино, в которое был добавлен сироп, вываренный из травы святого Иоанна, и чуть-чуть макового отвара. Брат Хумилис лежал неподвижно, предоставив целителям делать свое дело.

– Завтра, – пообещал Кадфаэль, – я соберу побольше таких же трав и разотру их в кашицу. Это здорово помогает, получше всяких отваров. Заживет твоя рана. А часто ли с тобой такое происходит, с тех пор как ты был ранен?

– Нет, не часто, но если перетружусь, бывает, – с трудом вымолвил Хумилис посиневшими губами.

– Значит, тебе нельзя переутомляться. А рана твоя уже затягивалась прежде, заживет и на сей раз. Чистец, брат, не зря в народе заживихой прозвали. Теперь отдыхай. Тебе придется полежать здесь денька два-три, пока рана совсем не закроется, а если вздумаешь встать да ходить раньше времени, может опять открыться – тогда хлопот не оберешься.

– По правилам его бы надо поместить в лазарет, – вмешался брат Эдмунд, – пусть лежит там сколько угодно – никто его не побеспокоит.

– Так-то оно так, – согласился Кадфаэль, – да только мы его уже перевязали и уложили, и чем меньше он будет двигаться, тем лучше. Как ты себя сейчас чувствуешь, брат?

– Получше, – отозвался Хумилис, и на лице его появилась слабая улыбка.

– Болит уже не так сильно?

– Да почти совсем не болит, – через силу ответил больной, с трудом подняв веки. – Вечерня, должно быть, уже кончилась. Не надо, чтобы брат Фиделис тревожился, куда это я подевался. Пусть приходит сюда – он и не такое видел.

– Я схожу за ним, – вызвался Кадфаэль и без промедления отправился разыскивать юношу. Восхищаясь стойкостью Хумилиса, он понимал, что как лекарь сделал для него сегодня все, что мог, и теперь больному лучше побыть в обществе друга.

Брат Эдмунд семенил следом за Кадфаэлем по лестнице и возбужденно говорил:

– Как ты думаешь, это можно вылечить? Чудо, что он вообще жив остался! Ты когда-нибудь видел, чтобы человек выжил после того, как его чуть ли не напополам разрубили?

– Такое случалось, – ответил Кадфаэль, – хотя и нечасто. А подлечить его можно, рана должна закрыться. Но он должен беречься, иначе она снова откроется.

Монахи ни словом не обмолвились о необходимости сохранить случившееся в тайне – это подразумевалось само собой. Годфрид Мареско не желал, чтобы знали о его ранении, – это было его право, которое следовало уважать.

Брат Фиделис стоял под аркой, глядя на выходявших из церкви братьев, и в глазах его росла тревога, ибо он не видел среди них своего друга. Припозднившись в саду, он, как и другие сборщики слив, поспешил к вечерне, полагая, что Хумилис уже в церкви. И сейчас, нахмутив

брови и сжав губы, он дожидался его во дворе. Вот последний монах вышел из церкви и прошел мимо. Не веря своим глазам, Фиделис проводил его взглядом, и в этот миг к нему подошли Кадфаэль и Эдмунд.

– Фиделис! – позвал брат Кадфаэль.

Юноша обернулся. На лице его, наполовину скрытом низко надвинутым капюшоном, вспыхнула надежда – он догадался, о ком пойдет речь. Он, должно быть, понял, что Кадфаэль принес не лучшие вести, но все же это было предпочтительнее неизвестности. Видно было, что он готов ко всему.

– Фиделис, – мягко сказал Кадфаэль, – брат Хумилис у себя в келье, мы уложили его в постель. Не тревожься, мы о нем позаботились, сейчас он отдыхает. Он спрашивал о тебе, так что ступай к нему.

Но юноша медлил, он растерянно переводил взгляд с Кадфаэля на Эдмунда, видимо не зная, кто из них главный. Спросить он не мог, но взгляд его был достаточно красноречив. Брат Эдмунд понял его.

– Худшее уже позади, – успокоил он, – брат Хумилис обязательно поправится. Ты можешь ухаживать за ним: я попрошу, чтобы тебя освободили от всех других обязанностей до тех пор, пока ему не полегчает настолько, что его можно будет спокойно оставлять одного. Я поговорю об этом с приором Робертом. Если твой наставник чего-нибудь захочет или возникнет какая нужда, приходи ко мне – напишешь, в чем дело, и получишь все, что требуется. Но за перевязки не берись – этим будет заниматься брат Кадфаэль.

Юноша кивнул, но не тронулся с места: в обеспокоенных глазах застыл еще один мучивший его вопрос.

– Нет, – торопливо промолвил Кадфаэль, – больше никто не знает, и никого нет надобности в это посвящать, кроме, понятное дело, отца аббата, который вправе знать все о своих чадах. Но больше никто не узнает, поверь нам, как поверил брат Хумилис.

Фиделис смутился, но лицо его просветлело. Он благодарно и почтительно поклонился и, не мешкая, пошел к лестнице. Кто знает, сколько раз приходилось ему ухаживать за больным Хумилисом, полагаясь только на свои силы? Он и сейчас корил себя за то, что не оказался в это мгновение рядом с другом, ибо поначалу опасался разглашения тайны.

– Я загляну туда до повечерия, – сказал Кадфаэль, – посмотрю, спит ли он и не нужно ли дать ему еще снадобья. А заодно прослежу, чтобы паренек не забыл принести ужин не только Хумилису, но и себе. Любопытно, где он выучился врачеванию? Ведь в Хайде он выхаживал Хумилиса один и не робел братья за это, значит, был уверен, что справится.

«Ну а коли брат Фиделис знаком с лекарским делом, – подумал он при этом, – то мог бы подсобить в приготовлении снадобий. Небось и сам бы не отказался чему-нибудь новому поучиться. А где есть общее дело, глядишь, и общий язык найдется, хотя бы и с немым».

Брат Фиделис неустанно заботился о больном: приносил еду, кормил его, умывал, брил и находился бы при нем неотлучно, если бы Хумилис сам время от времени не отсылал его подышать свежим воздухом или в церковь, на службу, помолиться Господу за них обоих. За эти пару дней, по мере того как Хумилису становилось лучше, он все чаще приказывал Фиделису пойти отдохнуть, и тот безропотно ему повиновался. Рана затягивалась, она больше не гноилась и подсыхала благодаря целебному действию свежеприготовленных снадобий. Фиделис с радостью видел, что дело медленно, но верно идет на поправку. Исполненный благодарности, он помогал Кадфаэлю делать перевязки, не меняясь в лице при виде изувеченного тела, – беда Хумилиса не была для него тайной.

Кто же то был? Преданный слуга семьи? Родной сын, как предположил Эдмунд? А может, просто случайно повстречавший Хумилиса молодой монах, очарованный его благородством и мужеством и решивший остаться с ним до конца? Сколько Кадфаэль ни ломал над этим

голову, он не мог найти ответа. Молодость порой способна на поразительное самопожертвование, готова отдавать все свои силы и лучшие годы жизни во имя любви, не требуя ничего взамен.

– Я вижу, тебя занимает мой юный друг, – промолвил брат Хумилис, обращаясь к Кадфаэлю, который поутру менял ему повязку. (Фиделис в этот ранний час вместе со всей братией был у заутрени.)

– Это правда, – признался травник.

– Но ты ни о чем не спрашиваешь. Вот и я тоже никогда не расспрашивал его ни о чем. Свое будущее, – задумчиво произнес брат Хумилис, – я оставил в Палестине. Всем, что у меня было, я пожертвовал ради служения Всевышнему, и надеюсь, что жертва эта не была напрасной. А с этим юношей я познакомился в Хайде, он вступил в орден как раз тогда, когда подходил к концу срок моего послушничества, который был короче обычного в силу моего положения. И я благодарен Господу за то, что Он послал мне этого юношу.

– Да что ты говоришь, – удивился Кадфаэль, – как же немому удалось сообщить капитулу Хайда о желании принять постриг? Может, кто-то другой заявил прошение от его имени?

– Нет, он подал письменное прошение. Сообщил, что отец его стар и хочет быть уверенным в том, что будущее сыновей обеспечено, а поскольку земля должна отойти к старшему брату, он, младший, желает вступить в орден. Он внес за себя вклад, но самой лучшей порукой стала его ученость и прекрасная рука – видел, какой у него почерк? Более я о нем ничего не знаю – много ли услышишь от него? – но того, что знаю, мне достаточно. Он заменил мне сына, ибо Господь не сподобил меня стать отцом.

– Я вот еще о чем подумал, – сказал Кадфаэль, бережно накладывая свежую повязку на почти затянувшуюся рану, – может быть, причина его немоты только в неправильном строении языка? Он ведь не глух и речь хорошо понимает. Немые по большей части и глухи, а у него слух очень острый. К тому же Фиделис сообразителен и все схватывает на лету. При этом он грамотен и, как ты сам сказал, прекрасный писец. Думаю, если бы он стал учиться у меня ремеслу травника, то быстро усвоил бы то, на что у меня ушли годы.

– Я его ни о чем не спрашиваю, – промолвил брат Хумилис, – так же как и он меня. Господь свидетель, я понимаю, что должен был бы удалить его от себя. Что за прок ему нянчить да ублажать калеку? Фиделис молод, ему бы трудиться на солнышке, а не хоронить себя здесь.

Но прогнать его у меня не хватает духу. Вздумай он сам оставить меня, я не стал бы его удерживать, но пока он со мной, я не перестану благодарить за это Всевышнего.

Погода по-прежнему стояла чудесная, на небе не было ни облачка, и закрома заполнялись щедрыми дарами лета. Розовые бутоны распускались в полдень, а к вечеру увядали от жары.

Виноградные лозы наливались янтарной спелостью.

А тем временем на юге армия королевы смыкала кольцо вокруг сторонников императрицы, в одночасье превратившихся из осаждающих в осажденных. Дороги в Винчестер были перерезаны, припасы туда не поступали, и в городе начался голод. Но о том, что творилось на юге, в Шрусбери знали немного: редкие путники приносили отрывочные вести, а здесь пока царили тишь да благодать.

Только вот брату Руну нет-нет да и взгрустнется: недоставало ему нового товарища. Хотя из всех братьев, с легким сердцем трудившихся на уборке урожая, он был самым жизнерадостным. Всего три месяца назад Рун был жалким калекой, а теперь силы переполняли его. Он не мог нарадоваться чудом обретенному здоровью и все время выискивал себе работу, чтобы проверить свои силы. Поскольку юноша был неграмотен и не имел навыков переписывания или украшения рукописей да и в музыке не был сведущ, хотя и обладал приятным голосом, на его долю приходилась подсобная работа: поднять, подать да принести, но паренька это не смущало. Каждое движение приводило его в восторг, ведь совсем недавно он едва мог передвигаться.

Радость юноши передавалась окружающим, старшие любовались бойким, пригожим юношей и возносили хвалы святой Уинифред за его чудесное исцеление.

Красота – опасный дар. Сам Рун никогда не задумывался о своей внешности и, наверное, удивился бы, узнав, что на редкость хорош собой. Юность преходяща, однако самый вид ее может доставлять невыносимые страдания тем, для кого эта пора миновала.

Для брата Уриена не только миновала юность, но проходила и молодость, хотя он не желал с этим смириться. Ему было тридцать семь, и он уже год как принял монашеский обет. Он решился на этот шаг после того, как горячо любимая жена ушла от него, а Уриен был человеком сильных страстей и неистовых желаний. Душевная мука погнала его в монастырь, но и в стенах обители он не нашел успокоения. Горечь потери и гнев не покидали его, и в обители он страдал так же сильно, как и в миру.

Как-то раз, в конце августа, Рун и Уриен работали бок о бок на полутемном чердаке над амбаром, перебирая ранние яблоки и укладывая их в деревянные лотки, чтобы фрукты сохранились как можно дольше. Все лето стояла жара, и яблоки в этом году поспели дней на десять раньше обычного. Солнечный свет пробивался сквозь крохотное чердачное оконце, и пылинки кружились в его золотистых лучах. На голове Руна еще не была выстрижена тонзура, и его льняные кудри вполне можно было принять за девичьи. Глаза затеняли длинные шелковистые ресницы, кожа округлых щек была нежна, как лепесток розы. Брат Уриен исподтишка косился на него, и сердце его сжималось от боли.

Рун в это время размышлял о том, как было бы здорово, если бы и Фиделису в этот погожий денек удалось прогуляться к Гайе, и не обращал внимания на то, что сосед, когда они выкладывали яблоки, словно невзначай касался его то рукой, то плечом. Через некоторое время, осмелев, Уриен стал ласково поглаживать запястье юноши. При всей многозначительности этого жеста Рун, по своей наивности, мог бы и не понять его смысла. Однако он понял. Чистота и непорочность сделали его пронизательным. Рун не вырвал руки, а лишь мягко отстранился и, обернув к Уриену кудрявую головку, взглянул на него огромными и чистыми серо-голубыми глазами. Во взоре его читалось понимание и сочувствие к человеку, в чьем сердце ярость и стыд выжгли незаживающую рану. Уриен отнял руку и отвернулся.

Если бы Рун испугался или возмутился, это не смутило бы Уриена. У него оставалась бы надежда, ведь недаром говорят, что от ненависти до любви один шаг, нужно только терпение. Но эти широко раскрытые, все понимающие и сострадательные глаза напрочь отнимали у него надежду. Как мог этот несмышлениш, вчерашний калека, никогда не ведавший страсти, так понять его и ответить только сочувствием? Ни тени испуга, растерянности, никаких обвинений – он не собирався жаловаться исповеднику или монастырскому начальству.

Уриен ушел. Его терзала печаль, сжигало неутоленное желание, а перед мысленным взором стояло прекрасное и незабываемое женское лицо. Молитвы не избавляли от мучительных воспоминаний о любимой женщине, бросившей его.

Помедлив несколько мгновений в задумчивости, спустился с чердака и Рун, впервые в жизни столкнувшийся со страстью и вожделением, которые не имели над ним власти, но для других становились порой источником неизбывных страданий. Подобно тому как Уриен не мог избавиться от ненавистного, но манящего образа покинувшей его жены, Рун не мог забыть мрачного, напряженного лица Уриена, на котором он заметил и стыд, хотя Рун ни в чем не упрекнул его. Воистину душа человеческая – потемки.

Паренек никому и словом не обмолвился о том, что случилось. Да и что, собственно, случилось? Но теперь он по-другому смотрел на брата Уриена, да и на себя самого тоже. Он приобрел важный для души опыт.

Все это произошло за два дня до того, как брат Рун принес обет, – ему выстригли тонзуру, и он стал полноправным монахом Бенедиктинского ордена.

– Итак, наша маленькая святая подвигла парнишку принять постриг, – весело заметил брату Кадфаэлю Хью, которого монах повстречал, возвращаясь с церемонии пострижения Руна. – Занятно, ведь и исцеление его было настоящим чудом! Знаешь, я тебе честно скажу, мне даже малость боязно за паренька. Может, он приглянулся святой Уинифред, эдакий-то красавчик, вот она и решила оставить его при себе. Валлийки, они ох как падки на юность да на смазливые мордашки.

– Ты неисправимый язычник, – добродушно буркнул Кадфаэль, – и сам больше всех нуждаешься в заступничестве святой Уинифред. Но тебе не удастся ее удивить – она всякого перевидала на своем веку. Ежели бы я, к примеру, был святым и покоился на ее месте в раке, то, поди, сам был бы не прочь заполучить это дитя. А уж она-то в людях разбирается и каждому знает цену. Представь, даже брат Жером и тот, как завидит нашего Руна, расплывается в улыбке.

– Ну, это долго не продлится! – рассмеялся Хью. – А парнишка и после пострига оставил свое прежнее имя?

– Я не слышал, чтобы он собирался его менять.

– Но ведь многие так делают, – лицо Хью стало серьезным, – как, скажем, эта парочка из Хайда – Хумилис с Фиделисом. Такие прозвания неспроста берут, разве не так? Что до брата Хумилиса – *Униженного*, – мы знаем его настоящее имя и, по правде говоря, незачем ему было брать другое. Но что нам известно о брате Фиделисе – *Преданном*? *Униженный* и *Преданный* – любопытно, кто из них первый задумал так себя окрестить?

– Этот юноша – младший сын в семье, – пояснил Кадфаэль. – Старший брат унаследовал землю, а он решил постричься в монахи, что и неудивительно, принимая во внимание его немоту. Хумилис сказал, что Фиделис появился в Хайде, когда у него самого истекал срок послушничества, тогда-то они и познакомились, быстро сблизились и сдружились. Не исключено, что и обет они принимали одновременно, а что до имен... Кто знает, кто из них первым переименовал имя.

Они остановились у сторожки и оглянулись в сторону церкви. Рун и Фиделис вышли из церковных дверей, подстраиваясь под шаг друг друга, – оба были довольны, веселы и на редкость хороши собой. Рун что-то с воодушевлением рассказывал, а Фиделис внимательно слушал его и отвечал на восторженные речи новопостриженного брата теплой улыбкой. Солнечные лучи падали на только что выстриженную тонзуру Руна, и льняные кудри окружали ее, словно ореол.

– Рун частенько навещает их обоих, – повернувшись к Хью, сказал Кадфаэль, – и это понятно: ведь он сам был увечным и чувствует родство душ со всяким, кого Бог чем-нибудь обделил, как, например, Фиделиса. Бойкий мальчуган, тараторит за двоих, жаль только, что грамоте пока не выучился. Так что почитать брату Хумилису вслух ни тот ни другой не может – один грамотен, да нем, а другой речист, да читать не умеет. Ну да ничего, паренек выучится – он толковый, брат Павел им доволен. – Тут Кадфаэль в смущении умолк: ведь он чуть не проговорился о болезни Хумилиса и был рад, что Хью не задал ему никаких вопросов.

Оба юноши между тем исчезли в арочном проеме и направились к лестнице, видно, собрались заглянуть к брату Хумилису, который все еще оставался прикованным к постели. Он, конечно, обрадуется, да и кто смог бы остаться равнодушным при виде новопостриженного брата Руна, прямо-таки сиявшего оттого, что исполнилось его заветное желание.

В тот же день по Лондонской дороге к часовне Святого Жилия подъехал молодой всадник, судя по платью – воин, и спросил, как ему проехать к аббатству Святых Петра и Павла. День стоял жаркий, и он ехал с непокрытой головой, в рубаше с распахнутым воротом. Лицо, руки и грудь всадника были темны от загара, какой нельзя приобрести под ласковыми лучами здешнего солнца, – видать, он побывал в далеких южных краях. Молодой человек был прекрасно

сложен, легко держался в седле и умело правил породистым скакуном. Его гордое, резко очерченное лицо было обрамлено курчавыми и жесткими, как проволока, черными волосами.

Брат Освин указал ему путь и уставился вслед незнакомцу, сгорая от любопытства. По всему видно, это человек военный, но хотелось бы знать, чей он вассал и в чьем войске служит. И что это ему потребовалось в аббатстве? Он ведь не про город спросил, не про шерифа, а именно про обитель. Выходит, его дело не имеет отношения к войне, что полыхает на юге. Освин вздохнул и вернулся к своим хлопотам, сожалея, что не смог ничего выяснить.

Узнав, что он недалеко от цели, всадник пустил коня шагом и ехал не спеша, с любопытством поглядывая по сторонам – на выцветшую траву на ярмарочном поле, истосковавшуюся по дождю, на дорогу, где возчики лениво понукали впряженных в телеги низкорослых лошадок, на жителей предместья, по-соседски судачивших на лавочках под окнами. По левую руку тянулась длинная высокая стена аббатства, над которой высились церковная крыша и колокольня. Обогнув церковь с запада, всадник проехал мимо выходившей за стену церковной двери, служившей для прихожан из города, и свернул под арку монастырских ворот.

Из сторожки вышел привратник, дружелюбно поприветствовал незнакомца и спросил, что ему нужно. Брат Кадфаэль и Хью Берингар, которые, подойдя к воротам, уже битый час никак не могли распрощаться, обернулись и воззрились на приезжего. Оба заметили потертую, но ладно пригнанную сбрую, кожаный колет, свернутый и притороченный к седлу за спиной всадника, и меч, висевший у него на поясе и не оставлявший сомнений относительно рода его занятий. Хью мгновенно воспылил любопытством, ибо воин, приехавший с юга, наверняка мог поделиться важными новостями. И раз уж ему удалось пробраться сюда через расположение верных королю Стефану войск, он, должно быть, и сам принадлежал к числу приверженцев последнего. Хью со сдержанным одобрением окинул всадника взглядом, оценив его выправку и стать, и, подойдя поближе, произнес:

– Не меня ли вы ищете? Хью Берингар к вашим услугам.

– Это наш лорд шериф, – сказал привратник приезжему и обратился к Берингару: – Этот путник спрашивает брата Хумилиса, правда, он называет его прежним, мирским именем.

Бросив поводья, новоприбывший соскочил с коня. Теперь, когда он стоял рядом с Берингаром, было видно, что ростом он на полголовы выше Хью, крепко сколоченный, с открытым и веселым загорелым лицом, на котором выделялись ярко-голубые глаза.

– Я несколько лет служил под началом Годфрида Мареско, – пояснил незнакомец. – Я разыскивал его повсюду, расспрашивал о нем братьев, что разбрелись из Винчестера, когда обитель в Хайде сгорела дотла. Они-то и сказали мне, что он решил поселиться в здешнем монастыре. У меня есть одно дело на севере графства, для исполнения которого я должен заручиться его одобрением, – для того и приехал. По правде говоря, – добавил он со смущенной улыбкой, – у меня напрочь вылетело из головы его монашеское имя. Для меня он так и остался моим лордом Годфридом.

– Как, должно быть, для всех тех, кто знал его в прежние годы. Да, он здесь. А ты из Винчестера? – спросил Хью.

– Из Андовера. Мы сожгли этот город, – напрямик заявил молодой человек, внимательно глядя в глаза Берингару.

Было ясно, что оба они сторонники одной партии. Хью удовлетворенно кивнул и спросил:

– Ты из армии королевы?

– Да. Служу под началом Фицроберта.

– Тогда вам стоило бы перекрыть дороги, ведущие на север. Тебе, должно быть, известно, что я управляю этим графством от имени короля Стефана. Я не стану тебя задерживать, коли ты желаешь встретиться с твоим лордом, но не согласишься ли ты отобедать в моем доме, прежде чем покинешь Шрусбери? Я, признаться, просто изголодался по новостям с юга. Позволь узнать твое имя – мое ты уже знаешь.

– Меня зовут Николас Гарнэдж. Я с радостью расскажу вам, милорд, все, что знаю, после того как повидаясь с лордом Годфридом. Как он поживает? – нетерпеливо спросил Николас и перевел взгляд с Берингара на брата Кадфаэля, который до сего мгновения молча стоял поблизости и наблюдал за беседой.

– Увы, нынче он не совсем здоров, – промолвил Кадфаэль. – Недавно у него открылась старая рана, видимо, это случилось из-за переутомления от долгой дороги. Но сейчас рана заживает, и через день-другой он будет на ногах и вернется к нынешним своим обязанностям. За ним ухаживает один молодой брат, который неразлучен с ним еще с Хайда и очень его любит. Подожди здесь немного, я доложу отцу приору, что к брату Хумилису пожаловал гость, а потом отведу тебя к нему.

Кадфаэль, немного огорченный тем, что ему пришлось при Хью упомянуть о болезни Хумилиса, поспешил к приору, оставив приезжего и Берингара наедине. Хью хотелось поскорее услышать из первых уст обо всем, что происходит на юге, – там, где шли бои, где войско, верное его государю, зажало в клещи вражескую армию, которая еще недавно держала в осаде королевского союзника. Впрочем, этот союзник, епископ Генри, оказался не слишком надежным, ибо счел за благо снова договориться с императрицей. Но так или иначе, войско королевы удерживало сторонников императрицы в Винчестере и сжимало вокруг города стальное кольцо, намереваясь уморить противника голодом. Брат Кадфаэль давно отрекся от насилия, но стоило ему слышать звон стали, как в жилах его вскипала кровь старого крестоносца. Прошлые давали о себе знать, и монах не раскаивался в этом. Пусть его Владыка не от мира сего, но сам он пока живет в этом мире и не может оставаться беспристрастным.

В полуденный час приор Роберт обычно отдыхал, хотя и считалось, что он посвящает это время молитвам и богословским штудиям. В более подходящую минуту он, возможно, сам побеседовал бы с приезжим, но сейчас не был склонен разводить лишние церемонии, а потому милостиво разрешил Кадфаэлю проводить гостя в келью брата Хумилиса и велел оказывать прибывшему всяческое содействие и благословить его от своего имени. Роберт попросил объяснить гостю, что, к сожалению, не может сейчас сам принять его, ибо в это время дня предается благочестивым размышлениям.

Пока Кадфаэль отсутствовал, Николас и Хью успели разговориться и найти общий язык. Когда молодые люди обернулись, слышав его шаги, монах сразу понял это по их лицам. Они были уже больше чем просто товарищи по оружию и вполне могли стать друзьями.

– Пойдемте со мной, – обратился Кадфаэль к Николасу, – я отведу вас к брату Хумилису.

– Брат, – негромко, но возбужденно говорил молодой человек, поднимаясь с монахом по лестнице, – я узнал, что ты взялся за лечение моего лорда, когда его одолел недуг. Лорд шериф сказал, что ты весьма сведущ в травах, снадобьях и врачевании.

– Наш лорд шериф, – усмехнулся Кадфаэль, – мой старый добрый друг и думает обо мне лучше, чем я того заслуживаю. Но я и впрямь лечу твоего лорда, и мы с ним пока как будто ладим. Не думай, что у нас тут не чтут его по достоинству, – мы воздаем ему должное. Ты ведь, наверное, знаешь, что ему пришлось пережить на Святой земле, небось, тоже с ним там был?

– Да, это так. Я его вассал, родом из его владений. Когда он отослал на родину своих раненых воинов и попросил подкрепления им на смену, я отправился воевать в Палестину и вернулся вместе с ним, когда мой лорд рассудил, что на Востоке от него больше не будет пользы.

– Зато здесь, – промолвил Кадфаэль, – он может принести пользу, и немалую – у нас есть молодые братья, для которых он служит высоким примером. Возможно, сейчас с ним два молодых брата, и если один из них помедлит уйти, пусть останется – он заслужил это право. Он прибыл из Хайда вместе с братом Хумилисом.

Они прошли по коридору и остановились у входа в узкое, тускло освещенное помещение.

– Пожалуй, – с улыбкой сказал Кадфаэль, – ты обойдешься без герольда, возвещающего о твоём прибытии. Заходи.

Глава четвертая

Вокруг ложа брата Хумилиса царил полумрак, не горела даже маленькая лампадка, зажившаяся обычно во время чтения: ведь один из его молодых друзей был неграмотен, а другой не мог читать вслух, сам же больной был еще слишком слаб, чтобы возиться с тяжелыми манускриптами, и сейчас с закрытыми глазами лежал в постели, обложенный подушками. Однако если Рун и не выучился пока читать по писаному, то память у него была отменная, и в эту минуту он с воодушевлением декламировал псалом святого Августина, который затвердил наизусть со слов брата Павла. Он как раз добрался до середины, как вдруг почувствовал, что слушателей у него прибавилось. Паренек запнулся, растерянно замолчал и обернулся.

В дверном проеме стоял Николас Гарнэдж – он замешкался на пороге, дожидаясь, пока глаза привыкнут к сумраку. Когда Рун умолк, брат Хумилис открыл глаза и неожиданно увидел в ногах своей постели самого любимого и доверенного из своих прежних оруженосцев.

– Николас? – с сомнением вымолвил Хумилис и попытался приподняться, чтобы получше рассмотреть пришедшего.

Фиделис тут же наклонился, помог больному лечь повыше, подложил ему под спину подушку и безмолвно отступил в темный угол, чтобы не мешать гостю.

– Николас! Неужели это ты?!

Молодой человек сделал шаг вперед и, опустившись на колено, поцеловал протянутую ему исхудалую руку.

– Николас, что ты здесь делаешь? Ты для меня всегда желанный гость, но я никак не ожидал увидеть тебя в наших краях. Спасибо тебе за то, что взял на себя труд разыскать меня в этом приюте. Иди-ка сюда, садись поближе, дай я разгляжу тебя как следует!

Тем временем Рун молча проскользнул к выходу, отвесил поклон на пороге и удалился. Фиделис собрался было последовать за ним, но Хумилис удержал его за руку.

– Нет, не уходи! Останься с нами. Николас, этому молодому брату я обязан столь многим, что никогда не смогу отплатить. В обители он служит мне так же преданно, как ты в свое время на поле брани.

– Каждый, кто, как я, имел честь служить под вашим знаменем, будет благодарен этому брату, – пылко воскликнул Николас, устремляя взгляд на почти неразличимое под низко надвинутым капюшоном лицо молодого монаха – в царящем сумраке тот казался почти бесплотным духом.

Возможно, Гарнэдж и удивился, получив в ответ лишь вежливый кивок, но не стал забывать себе этим голову и тратить время на размышления о странном поведении человека, которого, скорее всего, никогда больше не увидит. Он пододвинул табурет поближе к постели и присел, с тревогой всматриваясь в изможденное лицо своего лорда.

– Мне сказали, что вы уже поправляетесь, а между тем выглядите вы хуже, чем тогда в Хайде, когда я уехал, чтобы выполнить ваше поручение. Мне пришлось весь Винчестер перетряхнуть, чтобы разыскать приора из Хайда и вывести, куда вы направились. А стоило ли вам ехать так далеко? Не лучше ли было поселиться в Олдминстере – епископ был бы этому только рад.

– Зато я не уверен, что был бы столь же рад епископу, – с легкой усмешкой отозвался брат Хумилис – К тому же у меня были свои резоны, чтобы забраться так далеко на север. Я знаю это графство и этот город: в детстве я провел здесь несколько лет, но это были такие годы, которые запоминаются на всю жизнь. Не беспокойся обо мне, Ник, мне здесь хорошо – ничуть не хуже, чем в любом другом месте, и куда лучше, чем могло бы быть. Впрочем, хватит обо мне, давай-ка поговорим о тебе: выкладывай, как у тебя дела и что за нужда привела тебя в мою келью.

– Благодаря вашим рекомендациям я получил повышение. Уильям Ипрес замолвил обо мне словечко королеве, меня хотели даже зачислить в ее личную стражу, но я предпочел остаться с Фицробертом. Мне больше по душе служить с англичанами, чем с фламандцами. Зато теперь я командую отрядом. Это ведь вам, милорд, – добавил молодой человек, радуясь и печальясь одновременно, – обязан я всем, что знаю и умею, – вам и сарацинам Мосула.

– Ну уж сюда-то тебя занесло, надеюсь, не по делам атабега Зенги, – улыбнулся Хумилис – Оставь его королю Иерусалимскому, который давно уж сражается с этим достойным и опасным противником. А что стало с Винчестером с тех пор, как я уехал оттуда?

– Его окружила армия королевы. Мало кому удастся выбраться оттуда, и в город не поступает никакой провизии. Люди императрицы заперлись в замке и держатся пока крепко, но их припасы наверняка на исходе. Мы выслали отряд на север и перекрыли дорогу у Андовера. Пока там затишье, вот я и испросил отпуск, чтобы съездить сюда по собственному делу. А нашим противникам остается лишь попробовать прорваться, иначе всем в замке грозит голодная смерть.

– Они уберутся из Винчестера не раньше, чем попытаются очистить дорогу и разжиться съестным, – предположил брат Хумилис и задумчиво нахмурил брови, обдумывая возможный ход событий. – И если решатся на прорыв, то, скорее всего, в направлении Оксфорда. Ну да ладно – если нынешнее затишье дало тебе возможность навестить меня, стало быть, хоть одно доброе дело из этого вышло. Но что же все-таки привело тебя в Шрусбери?

– Милорд, – начал Николас, склонившись к Хумилису и понизив голос, – помните, три года назад вы посылали меня в эти края, в манор Лэ. Я должен был уведомить Хэмфри Круса о том, что вы приняли постриг и не можете жениться на его дочери, с которой были помолвлены.

– Что-что, а такое не забывается, – хмуро подтвердил брат Хумилис.

– А я, милорд, никак не могу забыть эту девушку. Вы ведь видели ее шестилетней малышкой, перед тем как отправились в крестовый поход, а когда я ее повстречал, ей минуло девятнадцать – это была уже настоящая леди. Я сообщил ее отцу, что вы велели, и, выполнив поручение, уехал, но с тех пор эта девушка не идет у меня из ума. Она была так мила, скромна и с таким достоинством выслушала мои слова. Милорд, если она до сих пор не замужем и не обручена, я хотел бы просить ее руки. Но я не могу ехать к ней, не получив вашего согласия и благословения.

– Сынок, – отозвался брат Хумилис с удивленной и радостной улыбкой, – видит Бог, с тех пор как я вынужден был отказаться от женитьбы, я больше всего на свете хотел бы видеть ее счастливой. Эта девушка вольна выйти замуж за кого захочет, но я не мог бы пожелать ей лучшего мужа, чем ты. И если твое сватовство завершится успешно, это снимет с моей души камень, ибо я уверен, что с тобой ей будет лучше, чем было бы со мной. Рассуди сам, мой мальчик, ведь, вступая в орден, я отрекся от всего, чем владел в миру, – как же могу я притязать на обладание творением Господним? Отправляйся к ней – я благословляю вас обоих. Но не забудь вернуться и рассказать мне, чем закончится дело.

– Я так и сделаю, милорд, обещаю. Как мог бы я поступить иначе, ведь это вам я обязан тем, что встретил ее!

Склонившись, Николас поцеловал Хумилису руку и поднялся, собираясь уйти. И тут взгляд его упал на молчаливого монаха, который до сих пор держался в тени и ничем не обнаруживал своего присутствия. Молодой человек порывисто обернулся к нему и с теплотой в голосе произнес:

– Брат, я от всей души благодарю тебя за заботу о моем лорде. Сейчас я должен уйти, но надеюсь снова увидеть тебя по возвращении.

Николаса несколько смутило то, что ответом ему вновь был только вежливый кивок. Молодой монах не проронил ни звука.

– Брат Фиделис нем, – мягко пояснил Хумилис, – но жизнь его и труды красноречивее всяких слов. И я готов побожиться, что его благословение пребудет с тобой так же, как и мое.

После ухода Николаса, когда замерло эхо его шагов и воцарилась тишина, брат Хумилис лежал неподвижно и размышлял с умиротворенной улыбкой на лице.

– Было в моей жизни кое-что, о чем ты еще не знаешь, – промолвил он наконец, обращаясь к Фиделису, – все это случилось задолго до того, как мы с тобой познакомились. Но я не хочу иметь от тебя никаких секретов. Да, бедная девушка! Я ведь намного старше ее, и даже не стань я калек, боюсь, она вряд ли была бы счастлива, если бы вышла за меня, как было сговорено. Я и видел-то ее всего раз, совсем малюткой, с каштановыми кудряшками и круглым, уморительно серьезным личиком.

Знаешь, до тридцати лет я вовсе не помышлял о том, чтобы жениться и завести детей. Мой старший брат должен был унаследовать владения и продолжить наш род после смерти отца. Я же был свободен как ветер, а потому решил стать крестоносцем и начал собирать отряд, чтобы плыть в Святую землю. И тут я получил известие о смерти брата и оказался на распутье – меня связывал и обет, данный Господу, и долг, который налагало мое происхождение. Я не мог нарушить клятву и должен был отправиться в Палестину на десять лет, но я обязан был подумать и о женитьбе, чтобы не пресекался наш древний род. Тогда я задумал поискать маленькую девочку, которая вполне могла бы дожидаться моего возвращения, – чтобы жениться на ней, когда она вырастет. И я нашел такую – Джулиану Крус, шести лет от роду. Ее семья владела манорами в этом графстве, да и в Стаффорде тоже.

Хумилис пошевелился и глубоко вздохнул, размышляя о том, сколь самонадеянно было с его стороны заглядывать вперед на десять лет. Фиделис подошел поближе, откинул капюшон и присел на табурет, на котором до этого сидел Николас. Они посмотрели друг другу в глаза и долго не отводили взглядов.

– Человек предполагает, сынок, а Господь располагает, – помолчав, произнес брат Хумилис. – Видать, у Всевышнего были на мой счет совсем другие планы. Ты видишь, что со мной приключилось. Ну а она, Джулиана Крус... Я рад за нее, ей не придется сочетаться браком со стариком, и она найдет себе лучшего мужа, чем я. Об одном молю Бога: чтобы она не оказалась уже обрученной. Николас был бы ей прекрасным супругом, и выйди она за него, душа моя обрела бы покой. Ибо когда я думаю о ней, то чувствую себя должником и клятвопреступником.

Брат Фиделис покачал головой и с укоризненной улыбкой приложил палец к устам старшего друга.

Хью остался у сторожки, а брат Кадфаэль направился через двор к своему садику, где у него накопилось немало дел. В этот момент из-под арки вышел Николас Гарнэдж. Увидев монаха, он громко окликнул его и, подбежав, ухватил за рукав.

– Брат, можно тебя на минутку!

Кадфаэль обернулся к молодому человеку.

– Ну и как ты его нашел? Твой лорд проделал долгий путь и слишком утомился, да к тому же не обращался за помощью, пока рана не загноилась. Но теперь все это позади. Воспаление спало, рана очистилась и заживает. Будь уверен, мы не допустим, чтобы такое повторилось.

– Я не сомневаюсь в твоих словах, брат, – с горячностью отозвался Николас, – но я увидел его впервые после трех лет разлуки, и теперь он выглядит гораздо хуже, чем тогда, когда получил это страшное увечье. Рана была тяжелой, он какое-то время находился между жизнью и смертью. Лекари едва выходили его, но когда он оправился, то, по крайней мере, был похож на того Годфрида Мареско, которого мы знали и за которым готовы были следовать в огонь и воду. Тогда-то он и решил вернуться в Англию, да и пора было повидать родную землю, тем паче что сражался за веру мой лорд гораздо дольше, чем требовал того его обет. Я отплыл вме-

сте с ним и знаю, что он тогда хорошо перенес путешествие. А теперь он так исхудал и ослаб, и каждое движение дается ему с трудом! Он очень плох? Прошу тебя, скажи мне правду.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.